

ТАТА ОЛЕЙНИК

Альтраум IV

ХОЗЯИН БАБОЧЕК

Тата Олейник

Хозяин бабочек. Альтраум IV

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68834604

SelfPub; 2023

Аннотация

Четвертая книга цикла «Альтраум». Нимис заморожен в реальности и застрял в компьютерной игре. Каждый день своей жизни он должен оплачивать, а зарабатывать он может только в вымышленном мире. Но у него есть друзья, оптимизм и удача, правда, последняя ему улыбается странной улыбкой. В начале этого тома компания Нимиса едет на новый континент – охваченную войной Таосань, чтобы вернуть душу владыки Хохена. И, как всегда, никто не задумывается – так ли нужно возвращать то, что утрачено?

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	19
Глава 3	32
Глава 4	45
Глава 5	58
Глава 6	71
Глава 7	84
Глава 8	97
Конец ознакомительного фрагмента.	103

Тата Олейник

Хозяин бабочек.

Альтраум IV

Глава 1

Посмотрев с утра в окно гостиничного номера, я понял, что, пожалуй, впервые, вижу Мантис с высоты. Номер комнаты у меня был 6-13, значит, это шестой этаж, а таких больших домов в Мантисе было исключительно мало. Красные крыши, медь шпилей, лазурь моря, нефрит Данера, зелень садов. А вон видна и статуя Нейдона – морского покровителя Мантиса. Гостиница находилась на углу квартала Всякой Всячины над довольно оживленной улицей, и я долго не мог понять, почему у меня ощущение, что большинство людей внизу – дети. Потом сообразил. Игроки тут редко ходят, они бегают, причем еще и вприпрыжку. То есть, если ты неспешно прогуливаешься – это одно дело, а вот когда тебе надо куда-то попасть, то ты машинально скачешь, потому что твое тело в Альтрауме почти всегда полно сил и энергии, как у здорового пятилетки. Вот и носятся прохожие по улице, сломя голову, опять-таки параметры бега и скорости при таком подходе прокачиваются. Я кинул взгляд на панораму Ман-

тиса и со вздохом отошел от окна. Неравнодушен я к этому городу и с удовольствием бы тут остался, но пора спускаться и идти в порт.

В Таосань сегодня направлялся целый караван: три фрегата – «Тритон», «Каприз» и «Виктория», и два галеона – «Пеликан» и «Золотая Лань». Наши каюты ждали нас на «Пеликане», они были дешевле, чем на фрегате. Ева сперва ужасно хотела купить нам билеты третьего класса, которые обошлись бы всего по четыреста золотых на нос, но когда она узнала, что ехать нам придется, стоя в трюме, она все же передумала. Это нормальные игроки могут себе такие фокусы позволить, те, которые просто загоняют своего персонажа в трюм, и потом десять дней в игру не заходят, пока им уведомление не пикнет, что прибытие на носу. А тем, кто в коме или на жизнеобеспечении, лучше таких экстремальностей избегать. Даже Акимыч восстал против трюма, напирая на то, что за десять дней без игры он крышей поедет – привык уже в ней жить, да и в реале делать особенно нечего. Так что Ева с тяжелыми вздохами приобрела нам пять мест на «Пеликан» по восемьсот золотых, зато Хохон ехал с нами как груз и в персональном билете не нуждался. Кроме того Ева решила частично отбить стоимость билетов: в порту

были конторы, которые давали заказы на межконтинентальную пересылку всякой ерунды. В результате оставшееся место багажа у нас оказалось забито мешками с гречкой и прочими разностями, да и наши инвентари трескались от писем и посылок.

– Не понимаю, – сказал я, запихивая в инвентарь последнюю банку малинового варенья, – в Таосань люди варенье варить не умеют?

– Там малина не растет, – раздраженно буркнула Ева, помогая Акимычу засовывать в мешок зеленые шишки артишоков.

– Что, вообще не растет?

– Вообще растет, но почти не плодоносит. В Альтрауме большинство растений строго региональные. Есть то, что растет на всех континентах – лимоны какие-нибудь, пшеница, овес... Но очень многие растения практически не будут развиваться вне своего региона, какие теплицы им не ставь. Чай растет только в Таосань, кофе только в Антии, а какао или, скажем, сахарный тростник, только на Риверре.

– Еще на Замулкасе тростник есть, – сказал я.

– Еще на Замулкасе. – согласилась Ева, – Создатели Альтраума очень заботились о необходимости энергичного морского торгового сообщения между континентами. У тебя сколько свободных мест в инвентаре еще осталось?

– Одинадцать, но мне же рыбу нужно еще куда-то девать.

– Возьми, тут пятьдесят писем, на пять ячеек.

– А письма-то зачем с курьерами передавать, – спросил я, – почта же есть! Моментальная! Мы же это письмо минимум десять дней будем везти.

– Отсылка письма абоненту, который в момент отсылки находится на другом континенте, – двадцать пять золотых, – сказала Ева. – А для неписей непринципиально сколько дней будет идти их письмо дорогой тетушке Лулу с поздравлениями по случаю рождения четвертого внука. Ну что, кажется, мы все под завязку?

Заполнив курьерский контракт, мы выползли в порт, сгибаясь под тяжестью ящиков и тюков. Впрочем, мы не сильно отличались от большинства пассажиров. Носильщики только и успевали бегать туда-сюда по трапам, отправляя в трюм мешки, корзины и бочонки. Когда мы избавились от груза и заманили Хохена на палубу, к нам подошел местный стюард-распорядитель. Это был игрок азиатской внешности, с ником Джек Чак Ли. Впрочем, вежлив и невозмутим он был, как непись.

– Госпожа Куриный Суп, есть свободное место в женской каюте.

– Мне не нужна никакая женская каюта, – отрезала Ева, – мы едем вместе. Вот наши пять билетов.

– Каюты четырехместные, госпожа Куриный Суп, четыре господина будут ехать вместе, а вам следует пройти в женскую каюту.

– В принципе, в женскую каюту пройти могу я, – сказал

Акимыч, – а почему он тебя все время супом называет?

– Увы, но это совершенно исключено, ведь это женская каюта, – ответил стюард, – место госпожи Куриный Суп в шестой каюте, ваша каюта девятая по правому борту, позвольте я вас провожу.

– Нет, но почему суп-то? – не унимался Акимыч.

– Да потому, – досадливо сказала Ева, – я выбрала один красивый иероглиф, мне предложили еще несколько, и я согласилась, не подумав, что это может что-то значить.

– Не похоже на тебя делать что-то, не думая, – сказал я, продвигаясь между горок багажа на палубе.

– Я тогда вся на нервах была, вообще мало о чем думала. Потом, когда с азиатскими игроками столкнулась, они мне разъяснили что к чему. Но не удалять же чара из-за такой ерунды. Суп, так суп. И вообще, полностью это читается «Куриный суп с яйцом». Да, Акимыч, я знаю что это очень, очень смешно, я рада, что мне удалось тебя повеселить.

На мой взгляд даже куриный суп – это лучше, чем евины Cw8zsh####34q, но у Евы есть маленький пунктик насчет конспирации и анонимности.

Отправки пришлось ждать еще часа четыре. Глядя на штабеля грузов на пристани, я недоумевал, как все это можно будет запихнуть в довольно-таки маленький корабль, но постепенно последние мешки, свертки и баулы исчезли в, видимо, безразмерном трюме. В нашей каюте имелось четыре полки-постели, верхние и нижние, а проход между ними

был такой узкий, что когда ты сидел на одной полке, то коленями почти вжимался в противоположную. В крохотный мутный иллюминатор не было видно ничего.

– А согласишься Евка еще по четыреста золота за билет доплатить, ехали бы мы сейчас, как короли, на «Капризе». Двухместные каюты, обслуживание по высшему разряду, эх! – вздохнул Акимыч. – Ладно, дышать тут все равно нечем, пойду проверю как там наша железяка, мне что-то не понравилось с каким видом он пялится за борт. Опять-таки интересно, как там наша мадам Бульон устроилась.

– Только не вздумай так ее называть.

– Я что, дурак что ли?

К сожалению, к мысли, что свежий ветер палубы куда предпочтительнее духоты каюты, пришли и все прочие пассажиры, так что на палубе оказалось очень людно и шумно. Трапы убрали, паруса развернули, и те захлопали по ветру, как огромные простыни. Караван неспешно двинулся на выход из порта. К счастью, большая часть пассажиров-игроков с палубы практически сразу исчезли : обитатели трюма только дожидались формального начала плавания. Акваторию порта мы покинули подозрительно быстро, как будто в паруса нам лупил невидимый и неслышимый шторм, но потом я вспомнил, что кроме парусов тут есть еще и корабельные кристаллы, вмонтированные в мачты, и паровые двигатели в трюмах. Машинное отделение точно имеется, вон и мешки с углем. Мы расселись на этих мешках, и я про себя

порадовался, что решил не надевать новую белую рубашку – кроме угольной пыли по палубе иногда пролетали и клубы дыма, правда, трубы, которая бы его выпускала, я так и не обнаружил, хотя осмотрел весь галеон с носа до кормы. Когда я вернулся к мешкам, там уже всюю шла дискуссия – можно ли добраться до другого континента своими силами.

– Туланцы точно доплывут, – сказал Акимыч, – у них же жабры.

– Кто такие туланцы? – спросил я.

– Да раса северная, у нас и на Риверре, они вроде как потомки тюленей.

– Какие у тюленей жабры? – возмутился я.

– Ну или этих, китов.

– У китов тоже нет.

– А у туланцев есть!

– Не, – сказал Гус, – у нас был один матрос с Туле. Умел жабры отращивать, это да, но ненадолго, на час, может. Как раз хватало до порта сплавать, там переждать, пока жабры отдохнут – и обратно с бутылками.

– Классы сирен и русалок. У них тоже ограничение на дыхание в воде, но в паузах можно пользоваться зельями или свитками.

– И что, – сказал Акимыч, – сколько ты будешь плыть с этими зельями? Месяц?

– Никто тут месяц плыть не будет, – сказал Гус. – В первый же день сожрут. Как есть сожрут и с жабрами, и без жабр.

– Тогда морская ведьма! У нее вторая форма – спрут. И плавает быстро, и себя в обиду не даст.

– Да для любого кита-убийцы, – сказала Ева, – этот твой спрут – полезная и питательная закуска. Колечки кальмара, можно без кляра!

– А вот, допустим, маг воды. – сказал Акимыч. – Они же воду умеют морозить, я видел, как один через ручей по ледяному мосту перешел.

– Ага, – сказала Ева, – маг, который сумеет заморозить воду в океане! Представляю себе!

Я достал удочку, насадил на крючки куски рыбы и бросил приманку за борт. Клюнуло почти сразу, и меня впечатало в борт. Гус стал помогать вытаскивать добычу, а остальные с интересом сгрудились у борта.

– Что это за пакость? – сморщил нос Акимыч, когда мы с Гусом кое-как перевалили из-за борта большой лоснящийся черный мешок с пучком щупалец на одной стороне блестящего тела.

– Определяется как «мегакаракуля», – сказал я, извлекая крючок.

Тут мешок дрогнул, засвистел и стремительно взлетел в воздух, обдав и нас, и других пассажиров, и палубу, и даже паруса черной вонючей жидкостью. С громким плеском мегакаракуля приводнилась метрах в тридцати от корабля, напоследок выставив из воды конец щупальца, сложенный в фигуру, подозрительно смахивающую на кукиш.

– Мы вынуждены просить вас в дальнейшем избегать рыбной ловли на борту нашего судна, – сообщил нам Джек Чак Ли после того, как утихомирил пассажиров и привел матросов, отмывающих сейчас веревочными швабрами следы пребывания мегакаракульи на «Пеликане».

– Извините! – сказал я. – Никогда ничего подобного не ловил и даже представить себе не мог...

– Эх, – сказал Акимыч, когда стюард нас покинул. – Я уже ждал, что он тебе квест какой-нибудь крутой даст.

– Кто? Он же игрок!

– А, ну да. Но на него, когда смотришь, об этом забываешь. Непись как непись. Да любой непись в десять раз живее. Просто ты все время, Ним, как учинишь что-нибудь, так потом и начинается всякое интересное.

– Я ничего не учиняю, оно само...

Тут я понял, как глупо и беспомощно это звучит, и заткнулся.

На третий или четвертый день я уже втянулся в размеренную сонную негу и скуку долгого плавания. Морской болезнью, к счастью, создатели Альтраума не озаботились, но взамен все мы находились в состоянии некой спокойной уютной одури. Поздно вставали, пропустив завтрак, всклокоченные выбирались на палубу, сидели там на мешках, пялясь то на линию горизонта, то на далекий берег Трансильвии. Малапуэлья огибала континент и, как выяснилось, мы шли в этом течении чуть ли не до самого Беловодья, где Трансильвия и Таосань были разделены проливом в пару сотен километров. За обедом в кают-компании стюард как-то пояснил нам, что, проигрывая в скорости, этот маршрут выигрывает в безопасности, ибо почти весь путь мы идем под защитой береговых гарнизонов и в зоне патрулирования боевых кораблей. Наш караван был бы незащищен перед флотилией пиратов в открытом море, хотя, конечно, и в таком плаванье могут происходить эксцессы, но это большая редкость, не волнуйтесь, госпожа Куриный Суп, это большая редкость... Со всем уж отчаянные головорезы, безобразничающие у побережий, предпочитают все же выбирать одиночные цели. Так-то быстроходный корабль может дойти от Мантиса до Ся-Мина – крупнейшего западного порта в Таосань – за трое суток, но осторожный не будет таскать тигра за усы.

– А что происходит, если пираты нападают на людей в открытом океане и кто-то погибает? Он на корабле возрождается? – спросил я.

– Только если корабль остался цел, и в команде или среди пассажиров есть классы, умеющие воскрешать.

– А если нет таких классов?

Стюард пожал плечами.

– В этом случае погибшие воскреснут либо на ближайшем материковом кладбище, либо на одном из островов, которых тут тысячи и многие из которых необитаемы. Многие моряки на быстрых кораблях занимаются тем, что разыскивают таких несчастных и спасают их в обмен на ценности или долговые расписки. Весьма выгодный бизнес. Так что, потерявшись в океане, сразу идите на сайт «Парус на горизонте» и заказывайте спасательную экспедицию. Только нужно учесть, что искать вас могут долго, если вы не картограф и не знаете своих точных координат.

– Нужно костер жечь, – сказал Акимыч, – дым издалека видно.

– Это если постоянно находиться в игре, – ответил стюард, – но сидеть на островке, где вряд ли есть вода, питаться крабами и птицами морскими – много ли найдется желающих? Достаточно выложить камнями свои инициалы на берегу и ждать, когда с сайта придет письмо, что ваш остров обнаружен.

Я вспомнил свою робинзонаду на Нерпячем и подумал,

что поначалу много бы дал, чтобы на моем острове водились крабы, мойву я до сих пор видеть не могу.

– Впрочем, – сказал стюард, – мы выбрали не самую приятную тему для обеденной беседы, – он вежливо поклонился сидящим напротив неписям – таосаньцам, которые слушали нашу беседу с довольно кислыми выражениями лиц. – Тем более разговоры о пиратах, кораблекрушениях и штормах считаются дурной приметой.

То ли эта примета не работала, то ли о всяких морских неприятностях мы поговорили слишком мало, но плаванье продолжалось так же мирно и размеренно, как до того. День сменялся днем, во всем похожим на своего предшественника, горизонт терялся в синеве, берег – в дымке. Несколько раз мы встречали полноценные боевые эскадры, которые патрулировали побережье, а, может, шли карать пиратов – хищные формы боевых кораблей меня восхитили, а розовые паруса на некоторых из них – удивили. Хотя, как объяснил один из матросов, именно этот цвет тяжелее всего заметить издалека в море. Ну, не знаю, я что-то не помню, чтобы в реальной истории были распространены розовые паруса, хотя я всегда мало интересовался книгами о морских сражениях.

В один из последних вечеров мы, как всегда, тусовались

на палубе, прихватив с собой бутылочку вина, купленную в буфете. Честно разделив сомнительное пойло по стаканам и отсалютовав Хохену, блуждающему вокруг грот-мачты, Акимыч отхлебнул из своего стакана и сморщился. Я тоже попробовал свое вино и вылил его за борт.

– Ну, и зря, – сказала Ева. – Еще неизвестно когда нам в следующий раз вино даже понюхать удастся. Или пиво.

– А что, в Таосань сухой закон? – заволновался Гус.

– Да нет, рисовых водок и сливового пива у них сколько хочешь, – сказала Ева. – А вот виноград и хмель – чисто трансильвийские продукты. Поэтому в Таосань они – импортный товар, а, стало быть, очень дорогой, и, значит, нам не по карману. Вы можете смеяться или плакать, но у меня осталось всего три тысячи клановых денег, и как мы с таким богатством собираемся мотаться по всему континенту – мне неведомо.

– А почему, – спросил Лукась, – мы в таком случае не везем с собой в багаже большой запас вина, чтобы продать его туземцам?

– У тебя есть лицензия на торговлю в Таосань? Или время на такую торговлю? Или обширные связи на тамошних рынках? Нет? Значит, ты будешь продавать на аукционе, или растаскивать по перекупщикам и харчевням. Получится не сильно выгоднее, чем наш конторский груз, а хлопот – намного больше. Тут мы сгрузим все в порту приемщику – и свободны.

– А может быть, – сказал Акимыч, – что Хохон, как только ступит ногой на Таосаньскую землю, тут же заорет: «Вот она моя родина! Я вернулся! Вот вам мешок драгоценных камней!»

– Что-то я сомневаюсь, – сказала Ева, украдкой опустошая за борт свой стакан, – эпические квесты не были бы эпическими квестами, если бы их было так просто делать.

– Просто?! Да мы полгода уже с ним возимся, как лиса появилась!

– Я не спорю, что возимся мы долго, – сказала Ева, – но «долго» и «продуктивно» – не синонимы. Думаю, сир Хохон еще попьет из нас кровушки, ведь он к этому делу еще толком и не приступал.

– У нас вообще есть какой-нибудь план? – спросил я.

Ева пожала плечами.

– Единственное, что мне приходит в голову, это начать таскаться по всем таосаньским монастырям и прочим оккультным местам и искать кого-то, кто может хоть что-то поведать нам про некоего владыку Хохена, жившего чертовски давно и завалившего кучу народа.

– В принципе, – сказал Лукась, – подобные действия так или иначе всегда сохраняются в памяти народной.

– Ага, – сказал я, – представляете, приезжаем мы в Таосань, а там на каждом углу стоят памятники Хохону. С надписями «Великий вождь и учитель».

– Это бы очень упростило нашу задачу, – сказала Ева.

Глава 2

Порт Камито, в который мы прибыли солнечным днем, решительно отличался от виденных мною трансильвийских портов. Я лично считаю, что лакированные настилы на причалах – это что-то опасно близкое к безумию. А рисовать на них цветы – это очень мило, но лучше бы этих причалов сделали больше, и чтобы они не были такими коротенькими – толчая в бухте Камито была страшная, хорошо, что законы гравитации не столь безжалостны в Альтрауме, и крупные суда спокойно могли колыхаться бок о бок, не сталкиваясь бортами.

К своему изумлению я выяснил, что нас ждет полноценная таможня. Удивительно! В Мантисе ты можешь прибыть в порт откуда хочешь и привезти с собой все, что угодно, хоть драконов связанных, хоть целое плененное войско антийского царя вместе с верблюдами. (Если, конечно у тебя светлая карма; преступники и пираты с кармой черной вынуждены пробираться на Трансильвию своими окольными путями). Как объяснил нам стюард, провинция Камито ухитрилась держаться в стороне от гражданской войны именно за счет крепкой чиновничьей системы и активного сбора налогов на пограничную гвардию. Что до приезжих купцов, то безопасность своих судов и грузов они ценили выше, чем десять процентов пошлины – а Камито считался самым спо-

койным и надежным портом Таосань.

Таможенники в строгих синих халатах с гербами обшарили трюм, выдали нам пошлинные квитки (Хохена при этом налогом не обложили, уже спасибо), и мы отправились на пограничный контроль.

Нас предупредили, что перед контролем нам нужно будет «раскрыться» – то есть, предъявить все списки своих титулов. Увидев мой список, непись-таможенник стал разговаривать только со мною, причем гораздо почтительнее и обращаясь ко мне «почтенный господин».

– С какими целями почтенный господин прибыл в Камито?

Я подумал.

– С целью получить, эээ... духовные наставления в здешних храмах.

– Весьма, весьма достойная цель! Это ваши слуги и наложницы?

Я оглянулся на мрачные лица слуг и наложниц, но решил не спорить.

– Вроде того, да.

Ева мне, конечно, это припомнит, да и Лукась выглядит возмущенно, но я хорошо знаю повадки и обычаи чиновников в моем мире (по крайней мере, чиновников, имеющих отношение к медицине), и не думаю, что здесь они сильно отличаются. Заводить споры в таких местах – последнее дело. Соглашайся со всем, что они несут, хватай бумаги и убе-

гай.

– Должен, однако, предупредить почтенного господина, который, как я вижу, и сам далеко продвинулся по духовному пути, что на Таосань, а в особенности в Камито ему ни в коем случае нельзя возводить капища своим богам и производить прочие обряды их умилостивления. Прошу принять это не как покушение на вашу религиозную свободу, – это простые меры предосторожности, касающиеся в том числе и благополучия самого почтенного господина, равно как и его слуг и наложниц.

– Хорошо, – ответил я с несколько растерянным видом, который, кажется, был замечен таможенником.

– Боги ваших земель, почтенный господин, очень ревнивы и властолюбивы. Когда-то они подчинили себе ваши страны, изгнав оттуда соперников. Обитающие же в наших землях боги и духи – справедливы и мстительны. Как вы понимаете, в такой ситуации было бы сущим самоубийством возводить здесь алтари кому-то из ваших покровителей. Но вы можете мысленно обращаться к ним или получать их указания в пространстве медитации... хотя и тут я не уверен, прошу почтенного господина меня простить, я не силен в священных материях.

Возможно, таможенник говорил и еще что-то, но я особенно не вслушивался, потому что отвлекся на бабочку, которая впорхнула в створку двери и устроилась на черной шапке чиновника, на самом верху, где петелька. Сейчас ба-

бочка усиленно делала вид, что ее тошнит.

Приезжие вытекали в город через распахнутые красные ворота порта – текли они медленно, шествовали, пыхтя и сгибаясь, залезали в ожидающие повозки враскоряку. И это понятно, инвентари у всех забиты под завязку, таможенники инвентари-то проверять не могут, вот и нагрузились товарищи фактически контрабандным товаром так, что еле передвигаются. Сдав курьерские грузы, Ева выдала всем, кроме Гуса, по пятьдесят золотых и велела ни в коем случае их не тратить, кроме как в самых отчаянных ситуациях. Л – значит «логика», Е – значит «Евина». Зачем нужны деньги, если их тратить нельзя? Оставила бы их при себе, тряслась бы над ними сама.

Пока мы искали самую дешевую из гостиниц Камито, я восхищенно пялился по сторонам. Ну, как восхищенно: похоже, эта местность создавалась по принципу «а давайте впихнем на квадратный километр всю Азию, чтобы никто не усомнился, что это именно Азия-Разазия». Бесконечные пагоды, пагоды и пагоды, бумажные фонари, тяжелыми гирляндами развешенные над улицами. Рикши и паланкины. Курящиеся палочки благовоний, воткнутые в плоски с песком. Прилавки с веерами. Летающие змеи в виде карпов, привязанные к бамбуковым шестам. Затянутые промасленной бу-

магой двери, каменные кругломордые львы в буклях и рогатые драконы. Каменные ступы, похожие на грибы, на которых сидели... боже! ну они дают!

– Это что, почта?! – ахнул Акимыч.

Оплетя серый пористый камень ступы длинными пятнистыми суставчатыми ногами, на нас во все свои шесть глаз пялился кошмарно огромный паук. Морда у него была хоть и пушистая, но пренеприятная, а торчащие клыки отнюдь не делали ее приветливее. Почтовая сумка у него однако была точь в точь такая же, как и у наших голубей, – и носил он ее ровно таким же манером, перекинув ремень через грудь... или как это место у пауков называется.

– Не, ну в принципе логично, – сказала Ева. – Голубиная почта в Азии не существовала, а пауки там, вроде, как раз символ известий и всяких любовных писем.

– Ну уж нет, – сказал Акимыч, – я с такими почтовиками никаких писем отсылать не буду. Ни любовных, ни прочих. Будем твоим почтовым ящиком, Евик, пользоваться.

– Пожалуйста, но учти, что межконтинентальных писем я через него посылать не могу. Тут нужно либо золотой ящик, либо серебряный с дополнительной инкрустацией.

Паук зевнул и почесал одной из ног белесое пластинчатое пузо.

Наша гостиница располагалась у самой городской стены, и Ева сразу потащила нас за пределы города: в нескольких верстах от Камито имелся монастырь, с которого Ева и соби-

ралась начать изыскания. Перед городскими воротами на лакированном (разумеется) столбике была прикреплена длинная табличка, напоминающая всем выходящим, что с закатом солнца ворота будут закрыты и тем почтенным обитателям города, кто не готов провести ночь снаружи, подвергая опасности свои драгоценные тела, стоит принимать это во внимание, планируя свои внушающие всяческое уважение дела.

Прогулявшись мимо рисовых чеков, сосновых рощ и бамбуковых зарослей, мы добрались до монастыря. Он был расположен на очень небольшой аккуратной горе, повернутой так, чтобы из монастыря открывался прекрасный вид и на море, и на цветущую долину. Вообще если вся Таосань выглядит так же, как Камито, то дизайнеры к ней явно больше сил приложили: я пока не увидел здесь ни одного уголка, фотографию которого нельзя было бы разместить в туристическом каталоге. В Трансильвии куда больше хаоса, бедлама и беспорядка, а уж что касается некрасивостей, то взять тот же Шоан.. Но зато Трансильвия ощущается, не знаю... естественнее что ли. А тут даже трава какая-то слишком зеленая, и цветы слишком яркие. Это же хризантемы? Ну да, они, мама их всегда ненавидела. Понятно почему: они стойкие, поэтому их на могилы часто приносят. Той девочке, ну, с которой мы дружили и которая умерла, я тогда тоже хризантемы на сайте заказал, белые. На кладбище меня, конечно, не пустили, там микробы.

Впрочем, здешние хризантемы были настолько яркими, пышными и жизнеутверждающими, что никакого печально-го очарования в них не чувствовалось. Ко входу на монастырский двор вела не очень крутая каменная лестница, и купы хризантем с обеих сторон ступеней свешивались на них тяжелыми водопадами цветов, размерами с детскую голову каждый цветочек. Говорю же, дизайнеры тут прямо перестарались.

Хохон не выказывал никаких признаков оживления по поводу прибытия на родные земли, грохотал железными ногами по ступенькам, топтал пышные помпоны цветов.

– Какая же красота! – сказал Лукась, остановившись перед высокими воротами монастыря и глядя на бухту внизу.

По синему-синему морю мелькали таосаньские пузатенькие кораблики с цветными парусами, по небу тянулись с криками вереницы диких гусей, облака легкими перьями были изящно разбросаны по небу. Я отвернулся. Не понимаю, почему я сегодня такой раздражительный и нервный. Действительно, красота, кто же спорит.

Меньше всего местные монахи желали вести с нами культурно-исторические дискуссии, потому что все они были страшно заняты. Мели каменные полы длинными метлами,

варили рис со специями в больших котлах, натирали светильники и развешивали оранжевое белье на бамбуковых подставках. Все их вежливые ответы в конечном счете сводились к «отстаньте от меня, пожалуйста». Наконец нами был обнаружен совсем дряхлый дядечка, который сидел на травяной подстилке под кустом и ритмично шелкал четками, устремив взгляд в никуда. Наученные опытом, мы уже не торопились с расспросами, а поприветствовали уважаемого священнослужителя, сообщили ему важную новость о том, что хризантемы в этом году прямо удались, а вид на бухту открывается исключительно качественный, и в конце концов тусклые сонные глазки монаха приобрели более осмысленное выражение. Он даже начал задавать вопросы – откуда мы прибыли и надолго ли планируем задержаться. Минут через пятнадцать Ева все же решилась осторожно намекнуть на имеющиеся у нас вопросы, а старец не выразил особого отвращения к идее на них ответить.

– В этом храме нет ученых-книжников, наши монахи – это всего лишь крестьянские сыны, бежавшие из деревень, поглощенных войной. К истине могут вести разные пути. Кому-то метла или молотильный цеп быстрее помогут проникнуть в душу вещей, чем кисть и тушечница.

– А к кому бы вы обратились на нашем месте? – спросила Ева.

Старец задумался.

– Ученостью славятся монахи Храма Зеленого Тигра, но

они требуют богатых подношений, потому что хотят по завету своего первого настоятеля возвести над храмом огромную статую тигра из зеленого нефрита – по их подсчетам на это уйдет десять тысяч лет и десять тысяч возков золота. Большинство правителей этого славного времени, полководцев и князей, терзаемых вопросами, которые жалят их изнутри, – направляются в паломничество именно в Храм Зеленого Тигра: тамошние знаменитые библиотеки содержат в себе многое, полагаю, и ответ на ваш вопрос тоже. Но добраться сейчас до этого храма непросто, войска желтых шапок летом прорвали оборону босоногих и трон качается под сидящим на камышовом престоле.

– А далеко отсюда этот храм? – спросил Акимыч.

– Отсюда до входа в Храм Зеленого Тигра будет без малого два миллиона шагов. Уже сегодня вы можете сделать первые десять тысяч из них.

Я провел в уме расчеты, и результат мне не понравился. Еще эти армии красных ног с шапками...

– Мы не богаты и не располагаем избытком времени, – сказала Ева, – может быть, есть иные места, куда мы могли бы обратиться за ответом?

– В Камито живет один рыбник, – ответил старик, – он дурак и пьяница, но когда-то он был послушником в Зеленом Тигре. Говорят, что за многочисленные глупости его там часто наказывали – били палкой и заставляли учить наизусть целые свитки древних текстов. Кто знает, может, этот дурень

запомнил что-то и про царей великой древности. А теперь простите меня, но с утра я выпил слишком много зеленого чая и сейчас у меня схватило живот. Прошу простить мою старческую немощь.

Кряхтя и хватаясь за упомянутый живот, старик поднялся и быстро засеменял прочь.

– По-моему, это какая-то ерунда, – сказал Акимыч, – рыбки какие-то, тигры. Вон в Мантисе был нормальный настоятель, а в этом храме – все с придурью.

– Однако мантийский настоятель ничего про сира Хохена не знал, – сказал Лукась, – этот же туземец мне показался куда сообразительней, чем он выглядит.

– Прекрати называть местных жителей туземцами, – сказал я, – еще не хватало, чтобы нас тоже побили палками.

Мы еще долго шатались по монастырю, пытаюсь найти кого-то поразговорчивее и поинформированней, но монахи утекали, как вода сквозь пальцы, демонстрируя полнейшее нежелание идти на контакт с группой странных носатых обезьян.

– Так не пойдет, – сказала Ева, усевшись под хризантемами. – Ясно, что развитие квеста не инициируется, значит, мы просто ищем не там, где нужно. Может, нам надо было в Сямин, или вообще в Кхонг, а не в Камито ехать.

– Я бы все же сходил к этому рыбнику, – сказал Акимыч, – может, это и тупиковый вариант, но хоть рыбы купим и поедим, а то жрать хочется – сил нет. Мы тут уже целый день

людям надоедаем, так и не пообедали.

Но прежде, чем спуститься вниз несолоно хлебавши, мы еще раз обошли весь монастырь и достали до печенок каждого из встреченных монахов. Потому что мы настойчивые, да.

Ворота захлопнулись, когда мы были буквально в пятидесяти метрах от них – мы бежали со всех ног и кричали, чтобы нас подождали, но отчаянные призывы не возымели на стражников ровным счетом никакого действия.

– Ну, не сволочи а? – возмутился Акимыч, плюхнувшись на дорогу, – солнце же еще не село, вон лучики из-за моря пробиваются. У кого есть хоть чего-то пожрать?

– Может, – сказал Лукась, – нам вернуться в монастырь? Когда мы уходили, они как раз заканчивали греть свое вариво, да и приют путникам они должны давать.

– Объявления на столбах читать надо, – сказала Ева, – двери в монастырь тоже на закате закрываются.

– Значит, нужно искать какую-нибудь деревню, – сказал Акимыч, – деньги есть, попросимся на постой.

– То-то приятно будет бродить в темноте безлунной ночью по территории, где на ночь наглухо задраивают ворота даже крупные города, – сказал Лукась. – Мне кажется, что

разумнее всего нам будет прижаться к этой стене и не отходить от нее ни на шаг, вон там наверху и самострелы есть, и дозоры лучников ходят.

– У меня есть кулек засахаренного арахиса, – сказал я. – Я помню, Ев, что ты велела денег не тратить, но я в палатке у гостиницы купил на то, что у меня еще оставалось.

– Давай сюда свой арахис, – ворчливо ответила Ева.

Я разделил содержимое кулька по четырем протянутым ко мне в темноте ладоням. Какое-то время был слышен ожесточенный хруст.

– А ты уверен, что это арахис? – спросил Акимыч. – Кажется, у моего арахиса есть лапки.

– Это – арахис! – твердо ответил я.

Тут мы услышали плач. Это был тоненький жалостный плач, проникающий в самую душу. По дорожке к нам шла невысокая девушка в белом. Она всхлипывала, закрыв лицо руками. Даже не девушка, девочка, лет двенадцати, наверное. Акогои, непись.

– Я задержалась у бабушки, и меня теперь не пускают в город, – рыдая, сказала девочка, отнимая от лица ладошки и показывая нам симпатичную круглую мордашку с густой челочкой, – а мне страшно!

– Иди сюда, – сказал Акимыч, – и ничего не бойся. Сейчас мы разведем костер, будет весело и совсем не страшно.

– Страшно! И ночь такая темная! А вас я не знаю!

– Подумаешь, ночь! Утро скоро наступит, осень только

началась и ночи еще короткие. Давай сюда, малышка, я тебе куртку постелю рядом с этой доброй тетей.

Акимыч, – сказал я, – я бы на твоём месте к этой девочке так близко не подходил, у нее ног нет.

Глава 3

Длинное белое платье девочки, которое так ярко белело в темноте, что, казалось, было подсвечено изнутри, у самой дороги переходило широким подолом в размытые клубы белого тумана, и как бы это существо не изображало ходьбу, на самом деле оно плыло в нескольких сантиметрах над темной тропой, как на воздушной подушке. И едва я успел предупредить Акимыча, как недевочка решительно изменилась. Ее лицо залил тот же свет, которым сочилось платье, а на голове словно газовый факел зажегся – в небо чуть не на полметра метнулось синее пламя, исказив и вытянув круглое личико так, что оно стало похоже на череп. Подняв ладони, призрак завыл, завопил, закричал – это был звук, который могли бы издавать десятки свихнувшихся металлических скрипок, зашедшихся в экстазе, звук настолько пронзительный и нестерпимый, что я схватился за голову, зажимая уши. Призрак взмыл вверх и завис метрах в трех над землей. Многоголосый вой еще усилился, и из обступающего нас мрака полезли бесы. Один огромный, свинорылый ринулся ко мне, выставив перед собой короткий кол. Я метнулся, уклоняясь от удара, и был перехвачен другим – черным, паукообразным с глазами-плошками. Бес-паук, воняя потом и ядом, обхватил меня тонкими плетистыми руками, узло-

ватыми, как ветки, и я в ужасе и ярости обламывал эти ветки одну за другой, одновременно отгоняя от себя ногами демона с птичьим лицом и бесконечно длинным кривым клювом. Хрюканье, клекот и шипение перекрывали даже вой призрака, а ко мне словно вернулись либо утраченные, либо никогда не дарованные силы. Я вцеплялся в заплывшие жиром щеки свинобеса, оставляя на них кровавые полосы, я бил кулаками чью-то мохнатую харю, отшвырнул, наконец, на дорогу паука и вырвал пучок перьев из желтого гребня птицы. Ужас и ярость переполняли грудь, мысли исчезли, осталось только желание выжить, прогнать, убить, стереть проклятую нечисть с лица земли! Исходящий от их тел мерзкий смрад, кошмарная какофония во мраке. Сопение, вой, удары по телу, крики боли.

Они все-таки одолели меня, их было больше. Паук опутал липкой паутиной, птица-демон ухватил когтистой лапой за загривок, прижимая к земле, а хряк навалился сверху тяжелым жарким телом. Я вскрикнул от омерзения и бессильной ярости.

– Это ты здорово придумал, Акимыч, ее камнями сбивать.

– Ну а как еще? Я же шпагой до нее не доставал, как ни прыгай. Да и камни насквозь пролетали, пока не сообразил, что нужно по горшку на ее голове лупить, как он свалился, так ее и сдуло...

– Ну, что, как там наш околдованный? Нимис, ты вообще живой?

– Живой, – простонал я, выталкивая языком песок изо рта, – можно, Гус с меня слезет, а?

– Вот непонятно, – сказала Ева, – то он мешка поднять не может и весь из себя такой тонкий, звонкий и на последнем издыхании, то пинается, как дикий осел.

– Он по тебе сильно заехал? – спросил Акимыч.

– Я-то ладно, я ледяную броньку успела скастовать, а вот Лукасю, похоже, несладко приходится.

От стены послышался стон.

Я сел на дорогу. Не так уж и темно, фонари на крепостной стене зажжены – качаются себе, мотыльки вокруг них выются. В голове еще звенели остатки многоголосого эха.

– Так дело не пойдет, – сказала Ева, пытаюсь натянуть на голое плечо оторванный рукав. – Как только откроют ворота – первым делом...

– ... пойдём завтракать, да?

– Да, Акимыч! Конечно, завтракать! Набивать твое бездонное пузико вкусняшками! А потом, вторым делом, на аукцион. Будем приобретать Ниму шмотки на ментальную защиту. Если всего один здешний менталик с ним такое творит, то представьте во что наш клан-лидер превратится, когда в него две-трое менталиков свою силу вливать начнут, под контроль взяв. Мы же его не удержим.

– Прекратите говорить обо мне в третьем лице, – проям-

лил я, – я уже вполне в здравом уме. Что это вообще было?

– А вот что это было, – сказал Акимыч и протянул мне небольшой глиняный горшок, пахнувший серой, перемазанный углем и жиром. К дну горшка тряпочкой была привязана длинная белая редька.

– Это что?!

– Та девчонка.

– Наваждение это, – сказала Ева, – и, что характерно, автор этого наваждения сейчас преспокойно может торчать себе где-нибудь среди вон тех сосен и готовить вторую серию. Пойдемте-ка прямо перед воротами сядем, там на них, вроде, какие-то охранные амулеты висят, может, там поспокойнее будет.

– Не понимаю, – сказал я, кое-как поднимаясь на дрожащие ноги, – она же обозначалась как непись, как такое вообще может быть?

– Так наваждения и должны принимать вид обычных людей, в Альтрауме – неписей. Полная идентичность, черта с два различишь, пока они концерт не устроят.

– Вообще различишь, – сказал Гус, – раз они по земле не ходят.

– Эта не ходила, а другие, может, и пойдут. Всеми двенадцатью здоровыми крепкими ножками. Лукась, ты как там, оклемался?

Лукась в разорванной рубашке, с повисшим на грудь отодранным воротником сюртука показался из теней. На блед-

ном животе у него темнел кровавый отпечаток ботинка. На меня портье бросил взгляд, выразивший крайнее неудовольствие.

– Извини, пожалуйста, – сказал я, – рубашку я тебе дам, у меня хорошие, новые, чистый батист. Мне очень жаль, но я совершенно себя не контролировал.

– А надо бы контролировать, – буркнула Ева, – проверь в своих параметрах, у тебя сопротивление к ментальным атакам не появилось?

Я погрузился в самоисследование.

– Нет.

– А потому, что ты вообще не сопротивлялся! Расслабился и делайте со мной что хотите! Тебе нужно стать злее, недоверчивее, научиться сомневаться в том, что ты видишь.

– О, поверь, в последнем деле я мастер. Я огромный специалист по сомнениям всех видов и цветов.

– Ты сомневаешься в себе! И доверяешь – всему вокруг! А нужно – наоборот. Знать, что в мире есть только ты и твоя воля, а все остальное – иллюзия, лживая и противная... В общем, материал, из которого ты можешь делать все, что захочешь, если захочешь как следует.

– Дурдом какой-то, – вздохнул я, – так жить нельзя.

– Миллиарды людей так живут и распрекрасно себя чувствуют. Посмотрим, вдруг когда шмотки на ментальную защиту первый раз сработают, ты хоть принцип поймешь – как говорить «нет!» тому, что пытается контролировать те-

бя, твою голову и твою жизнь, тогда и сопротивление начнет расти. Жаль только, что твой ведьмовской навык роста сопротивлений на менталку не работает...

Я все еще держал в руках горшок с редькой – бросать их тут совершенно не хотелось, кто знает сколько в этой редьке еще магии осталось. Засунул в инвентарь, в городе в мусор кину.

Оставшаяся ночь прошла достаточно спокойно, даже удалось вздремнуть, привалившись к городским воротам. Возможно, охранные амулеты – длинные полосы белой бумаги с красными знаками, шуршащие и развевающиеся на ветру, – как-то отпугивали таинственного повелителя редек, либо у того нашлись и дела поинтереснее, чем с нами развлекаться. Стража отворила ворота точь в точь с первым лучом солнца, и мы ринулись в первую же лапшичную, двери которой уже были гостеприимно распахнуты и даже одаривали проходящих запахом варившихся овощей и темного острого соуса. Наевшись, мы как-то незаметно отрубались вповалку на толстых зеленых циновках, и хозяин лапшичной не возражал, только счет, который он нам выставил после пробуждения, заставил Еву сжать губы в ниточку.

– Я этого носить не буду, – сказал я.

– Будешь, – сказала Ева, – ты будешь это носить, ты будешь в этом есть, ты будешь в этом даже спать, пока мы не покинем Таосань, или пока у тебя не появится собственной десятки в ментальном сопротивлении.

– А нельзя было что-то менее кошмарное приобрести? Колечко там или сережку – я недавно нашел в ухе еще пару дырок.

– Нищим выбирать не приходится. Вещи на менталку и у нас дорогие, а здесь цены на них просто зашкаливают. Про бижутерию забудь, она нам не по карману. Даже за эту дрянью заплатила, между прочим, двести золотых, и ты сейчас наденешь ее на свою дурацкую голову. К тому же тебе-то какая разница? Ты себя не видишь, это нам на все это любоваться.

Я взял протянутую конструкцию. Это была шапка? Шлем? Берет? Войлочный горшок с которого свисали многочисленные шнурки – все в разноцветных бусинах. Из войлока высовывались длинные пружинки, одна даже с гайкой, а из шишака наверху торчал маленький, но бесспорный ветряк-пропеллер.

– Давай, надевай.

Я внутренне взвыл, но натянул этот ужас на башку.

– Если ты что-то говоришь, то я все равно не слышу, эта штука мне уши прижала.

– Ничего, их можно вытащить. Тут типа прорезей есть, ну-ка, дай, вот как-то так.

– А это не вредно для ушей, когда они так в разные сто-

роны топырятся? – спросил Акимыч.

– Ты не представляешь насколько мне все равно, вредно это для ушей или нет.– сказала Ева. – Достаточно того, что за нами повсюду таскается древнеисторический маньяк-убийца с полутораметровым мечом, не хочу еще иметь и клан-лидера, который в каждую секунду готов превратиться в комок орущего и царапающегося безумия.

– Да, – сказал Лукась, – выглядит непрезентабельно, но на фоне того мухоморного безобразия, в котором разгуливает Акимыч, даже не очень бросается в глаза. По крайней мере расцветка даже сдержанная, А нельзя эти крылышки перекрасить? Нет? Ну, ладно. Теперь напомните мне, пожалуйста, какие у нас дальнейшие планы?

– Нам нужно найти рыбника, – сказала Ева.

– Ага, отлично, – сказал Акимыч, – а как мы будем его искать? Город-то немаленький.

Ева пожала плечами и направилась к одному из стражников, прохлаждавшихся у ворот аукциона. Стражники здесь были красивые, в пестрых стеганых халатах с нашитыми металлическими бляшками, в высоких шапках с многочисленными рожками, с каковых рожек свисали флажки,.. хм, может, в Таосань я и не буду так уж выделяться головным убором.

– Какой рыбник? – спросил стражник.

– Нам известно, что в юности он был послушником в монастыре Зеленого Тигра.

Стражник смотрел не на Еву, а куда-то вдаль, на гору.

– Рыбный рынок тянется от квартала ив и цветов до чайных павильонов, это пять верст. Там торгуют угрями и крабами, и гребешками, и трепангами, и рыбой всяческой десять тысяч рыбников. И мне неизвестно где они все проводили свою беспутную юность.

– Про десять тысяч рыбников он стопудово врет, – сказал Акимыч, отходя от аукциона, – столько торговцев рыбой даже в Москве не наберется, думаю.

– А что, в Москве появилось море? – спросила Ева, – А то я как-то давно не слежу за географией. Ним, ты что так ушами-то дергаешь? Рыбки половить захотелось?

– Да, было бы славно. Интересно, что тут ловится.

Рыбный рынок, о близости которого можно было бы узнать за несколько кварталов по запаху и крикам, был огромен. Рыба была навалена на дощатые настилы улиц, свисала с крюков, била хвостами из громадных корзин. В тазах и корытах ползали и копошились тысячи видов иных обитателей глубин, а уж торговцев здесь было не меньше, чем чаек, огромными эскадрильями патрулировавших набережную, куда, не чинясь, сбрасывали рыбы потроха. Тут же дымили бесчисленные жаровни, на которых купленное и готовили – жарили в кипящем масле, варили в пряных бульонах, коптили на переносных горелках. Разносчики с бамбуковыми шестами на плечах бегали с воплями, предлагая всем заглянуть в огромные корзины и набрать себе наилучшей сай-

ры или сушеной летучей рыбы.

– А тебе с твоим уловом, наверное, сюда, – сказала Ева, глядя на дощатый павильон, расписанный лодками, кудрявыми волнами и исключительно зелеными соснами, и исключительно жирными аистами.

«Живые драгоценности моря – редчайшие и изысканнейшие рыбные блюда десяти тысяч вкусов»

Пока я общался с представителями «Драгоценностей» и выяснял, как они относятся к идее приобретать высокоуровневую рыбу у заезжего чужестранца (хорошо относятся), наши накупали себе глазированных креветок и маленьких осьминогов на палочках. Даже Евина экономия тут дала слабину.

– В принципе, – неестественно бодрым голосом начал я, – зачем нам искать рыбника полным составом? Мы могли бы с Гусом на пару часиков уехать порыбачить, а...

– Нет, – сказала Ева, облизывая с пальцев сладкий соус. – Может, тут и не десять тысяч рыбников, но вряд ли сильно меньше, и я не исключаю, что нам придется поговорить с каждым. Сейчас делим рынок на сектора, расходимся и приступаем к опросу населения.

– Ев, но ты должна признать, что это бессмысленное занятие, – сказал Акимыч.

Мы сидели в нашей гостинице, которая оказалась устроена очень разумно – совершенно крошечные комнатки наверху и большая общая чайная внизу, да еще и с верандой, вид с которой, правда, открывался на задний двор с мусорными корзинами, но все-таки.

– С такими вводными мы никогда ничего не найдем. Я сегодня человек сто спросил насчет рыбника-пьяницы, который был послушником. И все только возмущались, говорили, что нет ничего страшного в том, чтобы после тяжелого дня среди холодной рыбы выпить чашечку горячего сладкого рисового винца. Или даже чайничек.

– А вы видели глашатаев? – спросил Лукась.

– Это те, которые зеленые, с барабанами? Жутко громкие, орут как резаные? «Утеряна ручная черепаха! С инкрустацией на панцире в виде знака долголетия! Вернуть за вознаграждение Деве в Лиловом из Сливового павильона!»

– Думаю, – ответил Лукась, – нам нужно их нанять.

– Ага. «Утерян рыбак-алкоголик из монастыря Зеленого Тигра! Вернуть за вознаграждение группе лиц в странных шляпах!»

– Нимис, кончай комплексовать из-за своего головного

убора, – сказала Ева, – это просто смешно.

– Да, – сказал я, стараясь не глядеть на свое нечеткое отражение в чернолаковой ширме, ограждающей наш столик от прочих посетителей. – смешно и унижительно. Можно мне хотя бы в городе снимать это непотребство? Хотя бы в гостинице? Сюда же мобы-менталики не пролезут? Амулеты, стражники, охраняемая территория, общественная безопасность...

– Как мы видели, даже артефактные призраки могут микрироваться под неписей, да и кто тебе сказал, что их хозяин – не самый настоящий непись? Нет уж, не снимай шапку даже на ночь, я тебе серьезно говорю. Таосань славится менталистами, что-то я об этом подзабыла. Что же, завтра мы продолжим наши изыскания на рынке. Насчет глашатаев, кстати, Лукась, очень неглупая идея, молодец! Нужно будет узнать их расценки. Пока что этот несчастный рыбник – наша единственная зацепка, и нам нужно попытаться выдавить из нее все, что можно. Когда... если рыбник окажется пшиком, тогда, я боюсь, нам придется думать о путешествии к этому Зеленому Тигру самостоятельно, чего лично мне хотелось бы избежать. Как дедушка там сказал? Два миллиона шагов без малого?

– Ага, «...и вы сегодня уже можете сделать первые десять тысяч». Давно меня так изящно не посылали на...

– Вот зуб даю, что морем до этого Тигра не доберешься,

что стоит он в центре материка, на самой большой горе, в самой недоступной заднице мира, в окружении мобов двухсотого уровня.

Поднимаясь к себе в номер после ужина, я сдернул шапку и сунул ее в инвентарь. Впервые за долгое время вздохнул свободно – и тесной она была, да и жарко в ней, и уши натерла. Надеюсь, Ева не думает, что я на самом деле буду в этом спать?

А в номере меня уже ждали. Я ее не сразу заметил, потому что она сидела в углу на потолке и ее седые лохмы, как и обрывки лохмотьев, свисали вниз, теряясь в вечерних тенях. Круглые желтые глаза властно уставились на меня.

– Пришел наконец-то! Где моя внучка?

Я хотел метнуться за дверь, но тело перестало меня слушаться. Я хотел закричать, но крик прозвучал шепотом.

– Какая внучка? – прошипел я.

– Моя маленькая внучка, Белая Редечка – Черненький Горшочек. Что ты с ней сделал? С моей внучкой-хохотушкой?

Глава 4

Ведьма грозила с потолка иссохшей желтой рукой с кривым указательным пальцем.

– Онн-на... тт-тут,

Челюсти у меня тоже объявили о своей независимости и двигались, как хотели

– Ос-свободтите мне рук-к-ку, я д-ддостану.

Тут ведьма крутанула лицом на сто восемьдесят градусов, как жуткая невозможная сова. Шея ее вытянулась и, кажется, завязалась узлом, и я подумал, что в крайнем случае всегда могу потерять сознание, разве же это не прекраснейший выход из подобных невыносимых ситуаций? В этот момент левая, застывшая в полете к глазам рука словно оттаяла и рухнула вниз, я сунул ее в инвентарь, нащупал горшок и редьку, бросил на пол. Но вместо того, чтобы упасть, вещи взлетели и нырнули под ведьмины обноски.

– Хорошо, – сказала ведьма, поглаживая раздувшуюся пазуху, – люблю, когда мне – мое возвращают. И горшок еще хороший, целый, и редька пригодится. Рис горячей водой полить, щепоткой сушеных водорослей посыпать и редьку рядом, под конопляным маслом, вот и императорский обед.

Я очень надеялся, что жуткое видение, получив то, за чем пришло, с дымом и треском сгинет в преисподней, или откуда оно там еще явилось, но вместо того, чтобы исчезнуть

приличествующим нечисти способом, старуха извлекла из рукава короткую черную трубку и, щелкнув пальцами, раскурила ее от вспыхнувших на пальцах огоньков. Дым назло всем законам природы заструился вниз, потянуло сладким, дурманящим ароматом с могильным оттенком.

Я пытался успокоиться. В конце концов, что эта непись может сделать со мной такого, что со мной еще не делали? Ну убьет, так убьет, воскресну. Только пускай убивает побыстрее, а то устал бояться.

– А, может, и не убьет, – сказал гаденький голосок в голове. – Сейчас залезет тебе на плечи, ударит пятками по бокам, и поскачешь ты, мил-друг, по долинам и по взгорьям. Затащит она тебя в какую-нибудь свою пещеру, будешь там стоять, за нос привязанный, будешь сено жевать. И никто тебя не найдет, может, год, а может, два...

Нужно сопротивляться, думал я. Это же ментальный контроль, а я... я – сплошная воля, я говорю «нет!» Я буду... буду биться!. А чем я буду биться? Представил, что вешаю на ведьму приворот и содрогнулся.

Ведьма выпустила густую струю дыма, струя обернулась седой пепельной змеей, которая обвилась вокруг меня и посмотрела в глаза.

– Экий жалкий мозгляк, – сказала змея. – Ты смеешь еще именоваться ведьмой?

– Я не смею, – кое-как пробормотал я, – мне такой класс дали.

– А ты в рот-то не тяни все, что дают.

Змея взорвалась клубом вонючего дыма, и я закашлялся.

Кашлял я долго, выхаркивая легкие и упершись руками в колени. И только откашлявшись, понял, что меня больше ничего не удерживает. Вместо того, чтобы кинуться к двери, я плюхнулся на пол, ни сил, ничего больше у меня не было.

– Неслыханный позор, – сказала ведьма с потолка.

– Скажите, – ответил я слабым голосом, – а вы не могли бы с потолка на пол пересесть, а то у меня голова кружится.

Ведьма какое-то время помолчала, а потом рухнула на пол – я ждал грохота, но упала старуха легко, словно ворох тряпок просыпался. И смотрелась она в таком ракурсе ничуть не лучше, чем раньше. Серые космы, обтянутый пергаментной веснушчатой кожей череп и единственный желтый острый зуб, торчащий из-под носа-клюва.

Когда-то она жила на горе, которая всегда принадлежала ей, потом пришли эти бритоголовые, навоняли курильницами, натаскали сюда чужих наглых духов. От священных гимнов уши чесались так, что пришлось перебраться на дальнюю сторону, как уйти-то, своя же гора, не чужая. И город разросся. Был раньше деревушкой бедной да малолюдной, а сейчас гляди-ка: все важные ходят, с чиновничьими таблич-

ками, да претолстые, да глаза от жира в щелки заплыли. Вот и попугаешь иногда немножко. У кого кошелек возьмешь, пока хозяин в беспамятстве валяется, с кого халат на зиму снимешь. Но и сама старая О-Кицу разленилась, разнежилась, пристрастилась к рисовым колобкам, да к овощам маринованным, да ко всему прочему, чем здешние торговые ряды богаты. Прикинешься женой богатого купца, по лавкам и рынкам ходишь, хорошо! Кто бы и сказал раньше, что страшная ведьма одинокой горы заведет себе ящик с головными шпильками, да начнет по театрам бегать – кукольные сказки смотреть, все лесные бесы себе бы животики надорвали. Нет, конечно, можно и сейчас могилку разрыть, да покойничком поживиться. Но что там за мясо-то? Рисовый колобок с тунцовой стружкой, считает старая О-Кицу, куда лучше любого покойника, будь тот хоть сам бонза.

Тут я зачем-то достал из инвентаря оставшуюся палочку с поджаренными осьминогами и протянул ведьме. Та палочку приняла, ловко куснула зубом одного осьминога, почавкала, прикрыв желтые глаза.

– Вот я и говорю, – сказала О-Кицу, – что во всем можно хорошее сыскать, если порыться как следует. Ты-то здесь откуда взялся такой бесполезный?

Я пожал плечами.

– Вы – первая ведьма, которую я встретил в этом мире. Никто меня нашему искусству не учил, до всего своим умом доходил.

– Ой, и до многого же ты дошел... А что не учили, так то понятно. Чего тебя учить, ежели ты недоделок. Ты сперва родись как следует, со всем, что живому существу положено, а потом уж и учись.

– Замечательный совет, – пробормотал я. – жаль только, что совершенно неизвестно, как им воспользоваться.

– А, может, я бы тебя и поучила, – сказала О-Кицу, склони́в второго осьминога, – только тебе моя наука в прок не пойдет. Ты – из лесных, а я ведьма горная, разная земля нас питает. Я на камнях стою, ты травами оплетен. Во мне огонь, в тебе вода. И как мне тебя учить? Я тебе одно скажу, не давай ржаветь своему ножу.

Я достал из сумки свой нулевой нож без прочности.

– Без силы от этого ножа проку никакого, я им только рыбу могу разделявать.

– Дурак!

Ведьма выдвинула метра на два руку и хлопнула меня по макушке.

– Дурак, бездарь, тупица! Все, что у тебя есть, – это твой нож, понял?

– Нет, – ответил я и в этот раз почти сумел увернуться от оплеухи.

– Ты как скупец, который на мешке с добром сидит. Ты думаешь: «это мне не нужно и то мне не нужно, и сего мне не надо», а тебе все нужно! Что последнее тебе дано?

– Дано? А! Вы про навыки? Не знаю, какая-то «иггоуш-

ка». Я еще толком не разобрался.

В этот раз от затрешины у меня аж искры из глаз полетели.

– Дурак! Ничтожество! Грязное пятно на нашем имени! Не буду я тебя учить, даже если бы и могла. Либо сам себе голову отрастишь, либо так и будешь ходить с пустой шеей.

Ведьма решительно поднялась и направилась к окну.

– Погодите, – сказал я.

Ведьма обернулась.

– А вы не видели рядом с нами там, у стены, был такой железный человек. Вы о нем ничего случайно не знаете? Его зовут Хохон.

Тут лицо ведьмы сморщилось и она зашипела, как кошка, на которую плеснули кипятком, съежилась в черный шар и с гудением вылетела в окно.

Что же, наверное я могу себя поздравить. Мне удалось довести до истерики и заставить сбежать ведьму-людоедку, могущественную менталистку. Так, а где моя шапка? Нет уж, поплю сегодня в ней, бог с ними, с пружинами. Устроюсь как-нибудь.

Рыбника мы искали уже почти неделю без какого-либо результата, Напрасно глашатаи на всех городских рынках били в барабаны, обещая пятьдесят золотых и бочонок слад-

кой рисовой водки тому торговцу рыбой, который служил когда-то в храме Зеленого тигра, за наградой так никто и не явился. Вечера Ева проводила в реале, выискивала всю информацию по этому монастырю. Как оказалось, она была права – знаменитый монастырь находился на центральной линии континента на вершине высоченной горы, вокруг которой на данный момент было аж четыре линии фронта. Там все дрались примерно со всеми, так что даже восточный фронт на Таосань не был сейчас популярен как у неписей, так и у любящих войну игроков. Все самое интересное творилось вокруг Тигриной Горы. С нашими уровнями мы не имели ни малейшего шанса к горе пробиться: ни в одну из армий нас не взяли бы, а если бы мы сами по себе там ползать стали – то нас просто повесили бы как лазутчиков.

В городе тем временем нарастало беспокойство. Какие-то не то жужени, не то фужени куда-то там шли, чем горожане Камито были очень недовольны и всю собиравались в отряды самообороны. За несколько дней город решительно изменился, превратившись в подобие военного лагеря. Боевые отряды один за другим выходили в некий обещавший стать победоносным поход, половину лавок закрыли, а там, где раньше бездельничали пятеро стражников, сейчас обыкновенно нес службу подросток неясного пола в слезающем на глаза шлеме и с копьем, которое он не мог удержать. Мне удалось все же разок улизнуть на утренней заре на рыбалку, и весьма разнообразный и частично малоаппетитный улов

у меня приняли в «Драгоценностях» за треть цены, так как горожанам сейчас было не до деликатесов. Я, конечно, все время помнил слова ведьмы о том, что только дураки позволяют ножам ржаветь, и все собирался выйти за ворота, найти пять видов этих дурацких трав, на которых хватило бы моего жалкого уровня травничества, и посмотреть – что такое игогушка и с чем его едят, но как-то руки не доходили. Тем более у Евы постоянно появлялись новые идеи, одна другой безнадежнее. То нужно было попытаться раздобыть список рыбников-монахов в местной канцелярии (затея совершенная в своей бессмысленности), то отвести Хохена в здешнюю школу, вдруг кто-то из учителей да окажется сведущим в древней истории.

В этот раз мы с Евой и Акимычем возвращались из городской библиотеки Камито, где собственными глазами убедились, что автопереводы с китайского, да и с японского – все еще беспредельно кошмарны, и большинство исторических трактатов, которые мы могли взять там почитать, содержали сведения в стиле: «Сырой и многочисленные мокрые женщины снова опять много шума, славы великий император, Чайник Глубокомысленности!». Все-таки в разговорах с неписями и игроками языки куда лучше мозгом воспринимаются, чем чистая графика. А тексты, написанные кандзи (а не слоговой азбукой, как большинство вывесок в Камито) – все еще непреодолимая преграда для нейронных словарей. Хохон тащился за нами, и в его латах уже отражались пер-

вые зажженные фонари, когда мы свернули к центральным воротам. И вот тут и началась суматоха. Со всех концов города раздались отчаянные удары гонгов, горожане, бросая тележки и поклажу, неслись кто куда, а несколько малолетних стражников отчаянно пыхтели, навалившись грудью на тяжелые створки огромных ворот, когда земля затряслась, загудела, а ворота ударились по сторонам стены под ударами десятков яростных копий. В Камито ворвалась конница. Это были всадники в меховых шапках с длинными хвостами, в коротких куртках и кожаных штанах, я успел рассмотреть порыжелый носок упирающегося в стремя сапога одного из атакующих, а больше я ничего не успел рассмотреть, так как спереди скомандовали: «Блуждающих духов истребляйте!» И меня проткнули копьем. Или обезглавили саблей, я даже не успел понять. Больше всего меня расстроила потеря ста двадцати трех золотых, которые я сдуру носил в кошельке вместо того, чтобы отослать их себе по почте – расслабился я в благонравном и законопослушном Камито.

Призраки Евы и Акимыча, наверное, тоже были на кладбище, но тут не очень разберешь кто есть кто, Однако такого столпотворения в месте упокоения я еще никогда не видел: тысячи душ, накладывающихся друг на друга, все хором стонут что-то возмущенное – тут и свое-то собственное

нематериальное тело не сразу от других отличишь, пока вы-
барахтаешься из самого скопления. Зато вскоре на кладбище
появился Хохон во плоти, ну, если в его случае так можно
сказать. Его панцирь в свете кладбищенских факелов казал-
ся измазанным чем-то черным, хотя понятно, что не черное
это было. Мы с ребятами воскресли одними из первых и тут
же поспешили освободить место у кладбищенских ворот для
новой партии возвращающихся к жизни.

– Что. Это. Было? – спросил Акимыч.

– Полагаю жужени. Или фуужени, – ответил я.

– Или, – сказала Ева, – что вероятнее, кто-то из их союз-
ников, которые по договору пришли грабить город после то-
го, как напарники выдразнили на себя войско.

– Лукась и Гус в гостинице, бежим к ним! – сказал Аки-
мыч, и его тут же проткнуло стрелой.

Через секунду и мы прилегли рядышком. Зато мы увиде-
ли, как Хохон, подняв меч, ринулся за границу нашей мерт-
вой зоны видимости.

Все же нас убивали еще раз шесть или семь. Похоже, рас-
стрелом оживающих покойников заведовали конные лучни-
ки, которые успевали смыться от Хохена, потому что он воз-
вращался на кладбище очень быстро и, кажется, с еще более
мрачным видом, чем обычно. Остальных призраков ожида-

ла та же участь, что и нас, поэтому игроки вскоре перестали воскресать, – судя по всему, выходили из игры, осталось только несколько десятков самых упертых. Ну, и нападающие воскресали здесь же, но их-то никто у ворот кладбища не расстреливал. Мне было непонятно, почему явные неписи воскресают, как игроки, но потом я вспомнил о солдатах на контракте, наверное, тут было что-то похожее. А ведь те горожане, которых они убьют, – подумал я, – а они наверняка многих убьют, уже не воскреснут. То есть, воскреснут, но мало что помнящими младенцами в других телах. Как-то это нечестно.

Я бешено волновался за Лукася с Гусом, но сделать не мог ровным счетом ничего. Лукась наверняка выживет – он умный и осторожный, спрячется куда-нибудь, но кретин Гус, я почти уверен, пожелает вступить в честный бой. Если выживет, я самолично вручу ему бочонок рисовой водки, пусть только выживет!

Когда мы в очередной раз воскресли, уже привычно ожидая прилета стрелы, нас поразила тишина в городе. То есть, не совсем тишина: из города слышалось гудение огня, местами громкий плач, но шум сражения, крики людей, ржание лошадей, звон оружия – всего этого уже не было. Бегом мы ворвались в разрушенный Камито. Здесь догорало все, что может догореть. Деревянные домики, полированные веранды, промасленные двери и окна, полотняные палатки – огонь пожрал веселый и красивый город, видимо, за считанные ми-

нуты. Пред нами были черные руины, одинокие обгорелые балки качались на столбах, отдельные огоньки поспешно изничтожали то, что еще может гореть. На месте нашей гостиницы высилась гора горелого хлама, вокруг не было ни души. Мы с Евой и Акимычем, не сговариваясь, кинулись растаскивать обгоревшие доски, отгребать копченую штукатурку. В свете молодых лун мы принимали за простертые человеческие фигуры то изъеденный огнем кипарисовый столб, то гору закопченных, рассыпающихся в руках тростниковых циновок. Периодически кто-то из нас начинал бегать по ближайшим улицам, крича: «Люк! Гус! Отзовитесь!». Иногда из мрака выступали люди, неписи с потерянными взглядами, с черными лицами. Они слепо смотрели на нас и брели себе дальше. Когда рассвет уже был бесспорен, Ева села на закопченный камень и впиалась кулачками в ставшие серыми волосы.

– Я думаю, это все, – сказала она.

Тут я в безумной надежде выхватил из инвентаря клановую доску.

– Они тут есть, оба! Значит, они живы!

– Не носи чушь, мертвецы тоже остаются в кланах. Иначе бы любой игрок вылетал из клана по десять раз за сражение.

– А напиши им! Если они живы – письмо дойдет.

– Умерших не сразу убирают из списков почты, только с глобальным обновлением. Дня два-три еще ждать.

– Живы они, – сказал Акимыч, – если бы они сгорели,

остались бы кости.

– Вон кости валяются, и вон, и вон.

– Это кости игроков, это точно не Люк и не Гус, я бы их узнал. Даже в таком виде!

Мы услышали странные звуки. Вы не поверите, но это плакала Ева.

– Это от нервов, – злобно сказал она, вытирая нос рукой. – Вы правы, костей тут слишком мало для такой заселенной гостиницы. Думаю, я догадываюсь, что стало с нашими придурками.

Глава 5

Не успела Ева сказать хоть что-то еще, как в пространстве зазвучали органные переливы и над нашими головами алыми буквами высветилось общее системное сообщение.

«Начало локального события «Мечь Камито»

Жугар, князь провинции Учгур, вероломно вторгся в пределы Камито, сжег ее столицу и увел в плен жителей. Отважные герои начиная со 120 уровня приглашаются в Камито для участия в освободительном походе возмездия. Запись в войска Камито открыта с этого момента, поход начинается через неделю. Возденьте же меч справедливости и разрубите пути рабства!»

– Ну вот, видите, все хорошо, – сказал Акимыч, – ребята в плену, живы-здоровы, сейчас мы запишемся в войска и пойдем их спасать.

– Куда мы запишемся на сороковом уровне? – спросил я, – В обозную кухню, в качестве провианта? Даже Еве до сто двадцатого еще качаться и качаться.

– А что, прогонят что ли? От маленьких тоже может быть польза по хозяйству. Сыны полка...

– Думаю, – сказал я, – правильнее будет никуда не записываться, а прямо сейчас пойти вслед за этим Жугаром, или как там его, и попытаться самим освободить ребят.

– Во время таких локальных событий, – сказала Ева, – вне

границ населенных пунктов вся территория становится зоной свободного ПвП, по которой очень не стоит скакать людям, не принадлежащим ни к одной из воюющих сторон. Потому что их на полном основании попытается грохнуть каждый встречный, ничем не портя себе карму, а, наоборот, получая бонусные очки события, каковые потом обмениваются на очень симпатичные награды. Конечно, за нас – мелких, без воинских званий, без принадлежности к одной из армий – грошики будут давать, но курочка по зернышку клюет.

– Но не можем же мы просто так сидеть и ничего не делать, – сказал Акимыч.

– Интересно, – сказал я, – а можно как-нибудь записаться на войну целым кланом? Они что будут проверять, есть ли у нас игроки сто двадцатого уровня?

– Тем более они у нас есть! – сказала Ева. – Эта бастардовская на всю голову больная друидка какого уровня?

– Ща проверим, – сказал я, доставая клановую доску. – Вот, Серая Плесень сто тридцать четвертый уровень.

– Ну, давайте попробуем, – сказала Ева. – Теоретически у кланов должны быть особые правила участия в событиях, жаль, что я толком про это ничего не знаю. Никогда не собиралась стать клановым бойцом, знаете ли. Вообще сразу после объявления тут должны где-то открыться вербовочные пункты.

– Если поход через неделю, – сказал Акимыч, – все равно как-то долго. Ребята будут томиться в тюрьме, в цепях...

– Это вряд ли, – сказала Ева. – Цепи, думаю, тут вообще не используют, сплошные канги – колодки такие на шею деревянные. А уж тем более в тюрьмы никто никого запихивать не будет, тюрем не напасешься. Когда их пригонят в Учгур, они там просто получают рабский статус, который сам ограничит свободу их передвижения и действий. Будут на полях работать или улицы мести – если там есть, конечно, поля и улицы, я когда по региону смотрела данные, так Учгур почти весь был обозначен как степь, населенных пунктов и не помню там.

– А разве в Таосань разрешено рабство? – спросил я.

– В Таосань все разрешено и ничего не запрещено – тут же война. Вообще в тех провинциях, которые пытаются как-то сохранять закон и порядок, рабства, кажется, нет. Не во всех во всяком случае. Войска Камито, скажем, когда... если победят, пленников в рабы, уверена, брать не будут, в квесте же – сплошной антирабский пафос. Обойдутся взиманием контрибуции, думаю, или еще что-то в этом роде.

– А что, Камито может не победить? – удивился я.

– Конечно может, иначе какой был бы смысл события? Все зависит от активности игроков с каждой стороны.

– С какой «каждой» стороны?

– А ты думал игра всем миром предлагает идти на несчастный Учгур? Мы в Камито, вот мы и получили сценарий Камито. В Учгуре, наоборот, игроков приглашают принять участие в отражении вторжения. Поехать ты можешь на

любой вербовочный пункт – и туда, и сюда. Но, если честно, что-то подсказывает мне, что перевес будет на стороне Камито, все-таки приплыть сюда проще, а Учгур нормальных портов не имеет, да и выход к морю там неудобный – через пустыню. Хотя в Учгуре, вроде, многие играют, большая провинция, активная, агрессивная, квестов множество, да и вообще вся эта неумытая романтика орды многим нравится. Нет, война будет массовой. И уж точно не увеселительной прогулкой.

– Мясо будет! – восхищенно-потрясенно вздохнул Акимыч.

– Здешние игроки обожают организовано воевать, – кивнула Ева, – Кто не обожает – переселяется на другие континенты или на острова сбегает.

Утром в город потянулись монахи – монастырь учгурцы не тронули, побоялись злить богов, наверное. Монахи везли на телегах, запряженных волами, котлы с рисовой кашей, мотки оранжевой материи – бинтовать раны, корзины с благовонными травами: опять-таки для лекарственных целей и чтобы духов разрушения курениями изгонять. Не все жители Камито оказались в полоне. Раскрывались крышки потайных люков, поднимались перевернутые лодки, тоненькой струйкой в город текли успевшие сбежать за ворота. На ули-

цах снова появлялась пока еще пришибленная и зашуганная жизнь.

Вербовочный пункт оказался весьма приметен: несколько высоких шестов с красно-белыми флагами Камито и невесть откуда взявшиеся чиновниками перед низенькими столиками с табличками и свитками. Действительно, клан-лидер мог записать свой клан на участие в событии целиком, вне зависимости от уровня бойцов. Нам сообщили, что мы приписаны к отряду «Речных крабов», а военачальника нам пришлют позже, потом, не мешайте, проходите, не задерживайтесь, все дополнительные сведения читайте на столбах.

На квестовой панели появилось задание «Мечь Камито», но там пока требовалось только дожидаться начала похода.

– А у вас над головами точки засветились, – сказал Акимыч, – красные.

– Можно подумать, над тобой ничего не светится, – ответила Ева. – Мы же теперь полноценные участники боевых действий, так отмечают союзники.

– Прикольно, – Акимыч попытался поймать красный светящийся шарик над Евиной головой, но тот прошел сквозь его пальцы.

Я остановился около монастырской телеги, заставленной лечебными корзинками.

– Сейчас, тут кое-что возьму, – сказал я, набирая из корзинок подсушенную растительность.

– Ах ты ворюга! – рыкнули сзади, и мне прилетело по пле-

чам бамбуковым шестом.

Один из монахов с совершенно несмирненным видом занес палку снова.

– Это для дела! – обиженно крикнул я, – для нашей славной армии! Вам что, горсть травинок что ли жалко?

– Не жалко, – сказал монах опуская шест. – Но во всем порядок должен быть. Подойди к начальнику, подай ему прошение, получи разрешение – тогда и бери сколько надо, а вздумаешь еще шарить самовольно по чужим корзинам, так вздую, что кожа на спине пузырями отойдет.

– Зачем тебе это сено? – спросил Акимыч.

– Хочу новый навык попробовать. Для него пять видов трав нужно, а у меня травничество – семь, я даже не знаю растет ли тут такая низкоуровневая трава вообще.

– Спросил бы меня, – сказала Ева, – у меня травничество пятьдесят шесть. Собрала бы тебе хоть целый стог.

– А я знал что у тебя вообще есть травничество?

– Алхимик, который не травник, – идиот, – сказала Ева, – я по-твоему похожа на идиота?

Любит она на пустом месте раздражаться.

– Что тебе еще нужно для этого твоего навыка?

– Пригоршня грязи и кровь разумного существа.

– Боюсь, тогда твоя кровь не подойдет.

– Ну, тогда дай мне свою высокоинтеллектуальную, – огрызнулся я.

– Только предлагаю пройти за пределы города, – сказала

Ева, – потому, что от твоих навыков в общественных местах всегда одни сплошные неприятности.

Мы прошли через северные ворота, которые являли сейчас собой печальное зрелище: обе створки были частично сбиты с петель и повисли вдоль стены, как крылья дохлой птицы. Больше всего проблем возникло с грязью. Смесь песка с дорожки и воды из фляги навывк упорно не желал признавать искомой «пригоршней», так что пришлось идти до ближайшего рисового поля, которое хотя уже и подсыхало, ибо рис был почти готов к уборке, но все еще было покрыто черным и влажным в глубине илом.

– Давай мы отойдем подальше, – сказал Акимыч, – и призывай свою игогушку. Ну, что? – крикнул он через минуту, – не призывается?

– Вообще уже призвалось, – ответил я.

Ребята вернулись и тоже уставились на мою ладонь, на которой сидел крошечный, в пару ногтей лягушонок. Он в ответ смотрел на них крохотными белыми бусинками выпученных глазенок.

– Я даже отказываюсь это комментировать, – сказала Ева, – и что с ним нужно делать?

– А я-то откуда знаю?

– Спусти его на землю, может, ему свобода действий нужна.

Я положил лягушонка на песок дороги.

– Только не наступите на него!

Мы стояли на четвереньках и смотрели на лягушонка. Лягушонок, кажется, пригрелся на песке и заснул.

– Нет, ну что-то же он должен уметь, – сказала Ева, – хоть какой-то толк от него должен быть.

– Сейчас, – Акимыч подполз к канаве у поля и вернулся, зажав между большим и указательным пальцем извивающегося червяка. – Вот, смотри, добыча! Кусь! Ату!

– Да, – добавил я, – бей его!

Лягушонок проснулся и уставился на червяка, после чего надул щечки и, кажется, плюнул в розовое извивающееся тело. Червяк дернулся и затих. Акимыч поднял червяка и внимательно его рассмотрел.

– О! Смотрите, в нем дырка, проедено почти насквозь. И большая дырка, кстати, миллиметра три, не меньше. Похоже, кислота какая-то.

– Отлично, – сказала Ева, – теперь ты гордый обладатель лягушки, которая может убить червяка с расстояния в десять сантиметров. Я считаю эту войну Учгур уже проиграл.

Я вспомнил слова ведьмы про нож.

– Может, это как нормальный боевой навык прокачать можно? Акимыч, там в канаве еще червяки остались?

После убийства пяти червяков игогушка, кажется, потерял интерес к происходящему и больше не реагировал на приказы. Есть червяков он также категорически отказался, как бы соблазнительно мы не размахивали их розовыми хвостами перед его носом.

– Вообще, – сказала Ева, поднимаясь, – тут война идет, друзья в плену, а мы черт знает чем занимаемся.

– А чем еще заниматься, раз мы в армии, – сказал Акимыч. – В городе все равно делать нечего. Там только монахи бродят, кости собирают и на погребальных кострах жгут. Хотя можно пойти к их телегам и попросить каши.

– Сперва нужно к начальнику, подать прошение... – проворчал я, поднимая игогушку и засовывая его в карман. Почему-то мне показалось, что это мальчик. Была в нем некая миниатюрная такая брутальность.

Камито оживал на глазах. Кучи угля вывозились, завалы расчищались, копоть отмывалась. Появились пункты торговли товарами для нужд пострадавших – там мы приобрели войлочную легкую круглую палатку о пяти бамбуковых жердях – конструкция держалась, на мой взгляд, исключительно на честном слове и магии, но возводилась и разбиралась быстро, от чужих взглядов и возможного дождя защищала и стоила относительно умеренно. Прямо напротив нашей палатки трое неспешных задумчивых неписей буквально за несколько часов возвели пусть маленький, но все-таки дом – с красными лакированными балками, перилами веранд, крышей из алой блестящей дранки; к вечеру в новенький дом даже успело заселиться семейство неписей. Откры-

вались и лавочки, пока что в парусиновых шатрах, уже повсюду в городе стучали молотки, взвизгивали пилы, вездесущий запах гари потихоньку вытеснялся запахом свежей кипарисовой древесины, лака и благовоний.

В порт стали прибывать игроки. Большие корабли, (которые трудно было отозвать, так как сперва их требовалось полностью разгрузить), теснились у причалов, лодочки возникали и исчезали в прибрежных волнах, вокруг города образовалось кольцо клановых военных лагерей. Прошло уже несколько дней, а мы еще понятия не имели – кто такие «Речные крабы», где их искать, кто наш командир и что нам надлежит делать. Каждый день Ева утром и вечером отсылала письма Гусу и Лукасю, и мы облегченно выдыхали, слыша успокоительное блямканье оповещения о том, что письмо ушло адресату, присутствующему в мире, и, значит, живому. Ответа мы не ждали – даже если у рабов будет возможность воспользоваться почтой, то вряд ли их уже успели пригнать в столицу Учгура. Гнать несколько тысяч, а то и десятков тысяч людей пешком по джунглям, горам и травянистым степям – занятие не самое быстрое.

Целыми днями я ловил рыбу с причала – конечно, так близко от берега ничего толкового не вылавливалось, а свиток "Вонючки" был у Гуса. Но торговцы охотно брали, пусть и за копейки, всех этих сайр, желтохвостиков и маленьких тунцов – разрастающуюся армию нужно было кормить.

Только на четвертое утро на наших квестовых панелях загорелось требование немедленно прибыть в распоряжение «Крабов» на северной дороге напротив арахисового поля.

Что же, мы прибыли и могли своими глазами убедиться, что «Речные крабы» точно не были элитным отрядом местной армии. Восседающий на складном стульчике военачальник-непись Сакаяма был пьян так, что придерживать его на этом стульчике должны были два босых пехотинца, выглядящих крайне живописно в кольчугах, сплетенных из соломы, и с нагинатами, которые представляли из себя привязанные к кривым палкам кухонные ножи. Я огляделся. На «месте расположения» я не увидел ни походных шатров, ни других игроков. Несколько кучек воинов-крестьян сидели вокруг костров, возле дороги паслась кобыла с раздутым пузом и бельмом на одном глазу и больше здесь ничего не было.

И хорошо, – подумал я, – быть в авангарде крабам явно не светит, главное, чтобы мы с ними могли добраться до Учгура и найти там Гуса с Лукасем. А что касается воинских подвигов и наград за битвы, то лично мне они даром не нужны. В идеале я бы предпочёл вообще ни с кем не драться, а сделать свое дело и максимально оперативно дезертировать. Приятно, что все члены нашего клана были в этом со мной горячо и полностью согласны. То есть я, конечно, не знал, что думает обо всем этом Серая Плесень, но меня это как-то не волновало.

Если Сакаяма и давал нам какие-то важные указания, то

они остались неизвестными, потому что понять, что он мычит, было решительно невозможно. Все же мы дисциплинировано разбили палатку неподалеку от зеленых рядов арахиса и даже попытались выяснить у соотрядников – нужно ли нам нести какие-нибудь боевые дежурства или что-то вроде того, но наткнулись лишь на встречные вопросы о том, нет ли у нас с собой винца или чего-то пожевать, кроме этой вонючей каши. Даже Хохон не вызывал у этих недосолдат особого интереса, хотя, строго говоря, из всех присутствующих на арахисовом поле он был единственной дееспособной боевой единицей. Проведя несколько часов в расположении крабов и убедившись, что наш командир не собирается трезветь, поскольку постоянно подновляет свое состояние большими глотками из тростниковой фляги, мы решили, что будет разумнее самим позаботиться о себе. Например, я могу опять отправиться в порт – ловить рыбу, а Акимыч пойдет со мной и будет в меру своих сил жарить, сушить, солить, и коптить ее тут же на набережной, Ева же пройдет по городу в поисках любого другого пригодного в дорогу провианта, главное, чтобы это не была каша: вообще идея сдобривать рис ладаном и маслом хризантемы мне здоровой не кажется.

Акимыч заканчивал портить уже четвертую или пятую сковородку разделанной рыбы, когда вдруг вскрикнул и перевернул сковородку на угли.

– Ним, блин, бросай удочку, смотри туда!

Я посмотрел «туда».

Со свежеприбывшего корабля на ближайший к нам причал спускалась новая партия игроков, которых издалека было и не рассмотреть. Но зато прекрасно был виден герб на парусах корабля – фиолетовый круг, пронзенный золотой молнией.

– Приплыли! – прошептал Акимыч.

Ну да. Разумеется. А то мы здесь слишком скучно и однообразно живем. Вот как раз клана «фиолетовых» в полном составе нам тут и не хватало.

Глава 6

– Бежим в город, – возбужденно зашептал Акимыч.

Шептал он, мне показалось, совершенно зря, так как нас с причалом разделяли несколько сотен метров, но он все же шептал и пригибался. – Надо срочно Евке сказать!

– Не надо ничего Евке говорить, – сказала Ева, спрыгивая позади нас с парапета на песок, – я их лоханку еще четверть часа назад засекала. Черт, там первые уже как раз сюда сворачивают!

Мы оглянулись по сторонам и, не сговариваясь, помчались к старой перевернутой шлюпке, лежащей на песке, подставив солнцу черное, обросшее сухими ракушками пузо.

– Сколько мы будем тут сидеть? – спросил Акимыч.

Шлюпка основательно разохлась, и в щели пробивался свет, делающий Акимыча полосатым.

– Сколько сможем, – сказала Ева. – Нам нужно подождать, пока они пройдут вербовку, тогда убивать своего союзника им будет ох как неприятненько – там штрафы совершенно адские. А я сейчас запрос на вывод из капсулы отправлю. Эххх, опять придется деньги на аренду тратить, я уж не говорю про трубку питания – хотя к ней я уже почти привыкла. Но совершенно не хочется оказаться на цепи у них в трюме.

– А Ниму-то что делать? – спросил Акимыч. – Похитят его, точно похитят!

– А Ним, я так полагаю, отныне будет жить тут всегда. Ночью мы будем украдкой запихивать ногой под лодку провизию... Нет, ну что за непруха! Какого рожна они приперлись именно сюда, им в Альтрауме что, заняться больше нечем?

– Интересно, как они так быстро приплыли? – спросил я, вытягиваясь на песке.

– Да как угодно! Варлоком портанулись к кораблю, на мачту – кристалл скорости, благословение Нейдона, если хороший движок, да рискнуть прямо через океан переть – за пару дней можно управиться, даже если из Глаувица стартовать. Когда у тебя полный корабль бойцов 110+, то пират тоже как следует думает, а потом решает, что у него найдутся дела и поинтереснее. Тем более у них не каравелла какая-нибудь грузовая, а чисто боевой быстроходный корвет – смысла нет за таким гоняться.

– Корвет-кревет... ну что они к нам привязались, а? – вздохнул Акимыч. – Нам что тут, действительно, под этой лодкой теперь торчать до ночи? А если ее хозяин придет?

– С вероятностью девять из десяти ее хозяин сейчас бредет, подгоняемый кнутом, по учгурским степям, – сказала Ева, и, заметив, как изменилось полосатое лицо Акимыча, быстро добавила, – впрочем, наверное, кормят его хорошо, вокруг открываются прекрасные виды, он получает незабываемые новые впечатления и абсолютно уверен, что скоро

придут друзья и спасут его.

– Ладно, Ев, – буркнул Акимыч, – я что, маленький что ли. Все нормально. Только хорошо бы фиолетовые провалились куда-нибудь вместе со своим кораблем.

– Куда это мы должны провалиться? – раздался громкий голос над лодкой.

Мы замерли, и тут лодка взлетела – сильная рука без видимых усилий откинула наше укрытие в сторону, перевернув. Над нами возвышался Сиборн. В таком хорошем боевом магическом доспехе – белые переливчатые короткие одежды в защитной сетке серебристых рун, на голове – веночек с кристаллами, жезл на поясе. Стоит он, значит, весь такой нарядный, а у его ног копошимся чумазые и ободранные мы – тут не очень-то с банями и галантерейными лавками после разрушения города дела обстоят, между прочим. А на мне еще и шапка.

Ева с досады пнула песок каблуком и хрюкнула. Я понимаю, что про дам так говорить нехорошо, но но не знаю как по-другому назвать изданный ей звук.

– А как вы нас нашли? – щурясь на Сиборна, спросил Акимыч.

– Когда три цепочки следов на песке ведут к перевернутой лодке, тут Эйнштейном-то быть не надо.

– А как вы вообще поняли, что это наши следы?

– И опять-таки обойдемся без старины Эйнштейна – у вас, знаете ли, есть некая характерная примета, намекающая на

ваше присутствие.

Мы обернулись. Хохон торчал метрах в десяти за лодкой и пялился в море.

– Что он тут делает? – возмутился Акимыч, – он же с самого утра шлялся у сгоревшего чайного павильона!

Ева поднялась, отряхивая с себя песок, с вызовом посмотрела на Сиборна, вскинув подбородок.

– Ну, что время тянете? – убивайте нас! Раз вы пока вербовку не прошли, мы еще не союзники, а стражи в городе почти нет. Можете измываться над нами безнаказанно.

Сиборн задумчиво посмотрел на Хохена.

– Уважаемая пани София, я весьма благодарен вам за предложение, но, пожалуй, им не воспользуюсь.

Он достал золотой портсигар, вынул оттуда тонкую коричневую сигарету и присел на нос лодки, скрестив длинные ноги.

– Не могу сказать, что ваше присутствие здесь доставляет мне большое удовольствие, чего нет, того нет. Однако не думаю, что наши сложные отношения станут такой уж проблемой. Конечно, ваша выходка с замком не понравилась нашему клан-лидеру. Возможно, она даже вспыхнула. Кстати, как вы это проделали – я даже не спрашиваю, потому что вы несомненно тщательно храните свои секреты. Тем не менее неофициально могу сообщить вам, что поведение некоторых членов клана «Люпденорд», особенно их комментарии в адрес нашего клан-лидера на форуме заставили Элла-

ну, так сказать, сместить острие своего негодования.

– То есть, – сказала Ева, скрестив руки за спиной, – мы теперь не враги номер один?

– Безусловно вы давно потеряли это почетное место. Более того, может быть где-то в глубине души, очень, очень в глубине наш клан-лидер отдает должное тому факту, что именно благодаря вам «Люпусы» остались без замка. Должен сказать, что я изначально скептически относился к уверенности аналитиков в ослабленности «Люпусов». После смены состава и руководства они, конечно, потеряли в собственной мощи, но связи и влияние у них остались, их альянс с «Жуками» можно было предсказать. Когда наш клан-лидер осознал, что именно вы в какой-то степени спасли нас от полного разгрома под Ка-Труа, она... скажем так, она стала гораздо реже стала высказывать свое желание вырвать вашу печень и зажарить ее в масле. Не то, чтобы она совсем отказалась от этой идеи...

– Я ей писала, – сказала Ева, – сразу же написала, что мы готовы уступить им замок, придумав схему. А она просто взяла – и меня заблокировала!

– Молодости свойственна горячность, – сказал Сиборн, затягиваясь. – Но когда Эллана узнала, что вы передали замок «Бастардам» – у нее прямо целый день было хорошее настроение. То и дело выходила в реал почитать как «Люпусы» воют на форумах. Кстати, если не секрет, сколько эти хитрованы предложили вам аренды?

Ева молчала, а я, вспомнив договор с «Бастардами» и не припомнив, чтобы сумма сделки объявлялась там тайной, честно ответил – тысячу золотых в месяц.

Сиборн присвистнул.

– Восхитительно! Такого даже я не ожидал. Вы не шутите? Нет? Ну, дорогие мои, если я скажу, что вы прогадали минимум в сто раз, вы не очень огорчитесь?

– Мы не огорчимся, – проворчал Акимыч, – потому что мы все равно ничего с этим замком делать не могли.

– Да, кусок вы откусили действительно непроглатываемый. С другой стороны, хорошее отношение с альянсом «Бастарды» и определенное их покровительство – само по себе крепкая валюта.

Сиборн докурил и втоптал окурок каблуком в песок.

– В общем, я прервал ваше уединение только за тем, чтобы сообщить: вам не стоит бегать от нас зайцами. Это не значит, что я рекомендую вам с утра до вечера мозолить глаза некоторым членам нашего клана, думаю, вы и сами догадаетесь, каким особенно. Но охотиться за вами мы тут не собираемся. Полное и торжественное игнорирование друг друга абсолютно устроит нашего клан-лидера.

– Она уже знает, что мы тут? – спросила Ева.

– Разумеется, она тоже заметила вашего железного друга. Он, я бы сказал, несколько бросается в глаза.

– И что она сказала?

– Не думаю, что уместно будет это повторять, – сказал Си-

борн, поднимаясь, – Эллана человек эмоциональный. О!

Взгляд Сиборна остекленел, а над головой его зажегся алый шарик.

– Ну вот, – сказал Сиборн, убрав невидимые нам панели. – Теперь мы официально союзники и ближайшие пару недель изо всех сил постараемся иметь друг с другом как можно меньше контактов, правильно?

– Зачем вы здесь? – сказал Акимыч, – вам же замки воевать надо, вы заявки подали.

Сиборн усмехнулся.

– Неделю назад клан «Глубоко фиолетово» в безупречной осаде взял во владение замок Амадуэр.

– Поздравляю, – кивнула Ева.

– Это, конечно не такой серьезный феод, как «Ка-Труа», но в нашей власти заняться его расширением.

– Для чего вам нужно много воинской славы, – сказала Ева, – поэтому вы в Таосань.

– Пани София, как всегда, мыслит весьма ясно. Думаю, мы выяснили наше положение и засим откланиваюсь.

Откланиваться он, впрочем, не стал, просто ушел.

– Ну, и хорошо, – сказал Акимыч, – я лично рад, что не придется от фиолетовых по болотам прятаться.

– Почему-то у меня такое ощущение, – сказала Ева, – что меня поводили мордой вот по этому песку.

– Просто вы с Нимом не любите себя дураками чувствовать. С Хохеном действительно глупо получилось.

– А ты, можно подумать, любишь, – сказал я.

– Да я так-то привык. Дурак, так дурак, зато все вокруг умные, мне же лучше – можно с умными людьми общаться. А вы – страдайте!

Изрекши этот парадокс, Акимыч страшно развеселился и швырнул в воду камушек. Блинчиков пятнадцать получилась.

Тренировки игогушки ни к какому видимому успеху не приводили. Игогушка исправно делал пять-шесть плевков после чего устраивал забастовку. С червяками он расправлялся на ура, а вот кузнечик лягушонку оказался не по зубам – жесткий хитиновый панцирь защитил членистоногое. Игогушка даже не возражал против того, чтобы плевать на угрожающе занесенный над ним палец Акимыча, после чего Акимыч говорил: «Прямо жжет!» и вытирал палец о траву. Мы отломали веточку размером с лягушонка, чтобы проверить – растет ли он, но нет, лягушонок как был в два ногтя длиной, таким и оставался.

Мы теперь все время торчали на арахисовом поле, разумно не показываясь в городе. И делать там нам было абсолютно нечего – я даже травничество от скуки до восьми прокачал, только низкоуровневой травы здесь почти не росло, особо не разойдешься. Ева вообще большую часть времени

проводила в реале: прилежно изучала карты Камито и Учгура, механику локальных событий и сложные политические взаимоотношения на Таосань. Она пыталась делиться с нами этими важными сведениями за ужином, но под рассказы о том, как государыня Юй по очереди изничтожала всех пятнадцать верховных министров, мы с Акимычем начинали быстро клевать носом. Нет, я понимаю, что все это очень важно и нужно, но как же хорошо, что для этого у нас есть Ева!

Речные Крабы слегка приросли численностью, даже какие-то игроки поставили свои палатки на арахисовом поле, но никаких других изменений не последовало. Когда мы в очередной раз обучали лягушонка атаковать жирную изумрудную гусеницу, к Сакаяме прибыл гонец с указом, привязанным на конце копья. Гонец скакал из города с такой скоростью, что мы не успели отреагировать – нас с Акимычем лошадь столкнула в канаву, а, когда мы оттуда, трясясь и ругаясь, вылезли, то на дороге вместо игогушки нашелся лишь комочек влажной пыли. Я сперва запаниковал, но потом увидел, что навык на панели снова приобрел статус активного.

– Ты думаешь, это тот же самый? – спросил Акимыч, глядя на лягушонка.

– Сто процентов, – ответил я. – Видишь, у него на брюшке черное – это он в евины чернила залез утром.

– Ты все же следи за ним, может, он сейчас кучу опыта

потерял, мы же не знаем.

– Что-то мне кажется, – сказал, я прячу лягушонка в карман, – что это такая же ерунда, как и все прочие мои навыки.

Обратная от монастыря сторона горы была совершенно заросшей. Никаких тропинок и дорожек тут не имелось, лишь кое-где поросший кустарниками крутой склон образовывал небольшие каменистые площадки, на которых можно было отдышаться и оглядеться. Где-то через час восхождения я сдался и сел посреди одной из таких площадок.

– Уважаемая О-Кицу, – крикнул я, – вы же наверняка меня видите или чувствуете! Не могли бы вы со мной встретиться? У меня есть сушеный тунец, из которого можно сделать много-много вкусной тунцовой стружки.

Сказав это, я встал на руки и начал прыгать на них по площадке. Ловко, как настоящий акробат.

– Не поможет, – сказал я на втором круге. – Если вы хотите так с меня шапку снять, то она на ушах застряла.

– Нужна мне эта твоя шапка, – сказала О-Кицу, выдвигаясь из камня. – Ты для меня что в шапке, что без шапки – жалкий кусок конского навоза.

– Ага, – сказал я, делая какое-то уж совсем немыслимое сальто. – Пжалста, не надо, меня сейчас вырвет!

После чего меня с силой приложило задом о валун, на ко-

тором я остался сидеть, пытаюсь отдышаться.

– Тунца-то отдай, – сказала ведьма.

Я вынул из инвентаря две рыбины, сунул их в костлявые когтистые лапы.

– Плохо просушен, – сказала О-Кицу, обнюхивая тунцов. – завонять может.

– Друг сушил, у него пока кулинария не очень прокачана.

– Зачем приполз-то, червяк?

– У меня к вам два вопроса, – сказал я.

– По рыбе за вопрос? Дороговато ты ценишь своих тунцов, мальчик.

– У меня просто больше ничего нет. Хотите еще батистовую рубашку?

– Давай.

Ведьма встряхнула рубашку и скептически ее оглядела.

– Где же такое непотребство шьют? – спросила она, – по брюху широко, по подолу коротко, по рукавам узко. Ладно, на подтычки пушу.

Я решил не уточнять что такое «подтычки». Меньше знаешь, крепче спишь.

– Давай свои дурацкие вопросы. Захочу ответу, захочу с горы спущу. Понял?

– Понял, – ответил я, с грустью оглядывая жесткий склон поросший кустарником, и достал из кармана игогушку.

– И что это? Это ты мне тоже на обед принес?

– Нет, – сказал я, – это мой последний навык. Я не знаю

что с ним делать, сколько я его не тренирую, он не растет и не жрет ничего.

Ведьма погладила пальцами свой зуб.

– Ты мне не ответил на вопрос. Я спросила, что это?

– Лягушка, игогушка точнее.

– А ты – дурак, мужик и ходячий мешок с костями, Нимис Динкан. Давай второй вопрос.

– А что с первым?

– А на первый я ответила. Будешь спорить – улетишь с горы.

Я решил не спорить. Все равно я так-то ничего хорошего от этой встречи изначально не ждал, но нужно было убедиться.

– Второй вопрос вам, наверное, совсем не понравится, не сердитесь на меня пожалуйста. Вы же живете очень очень долго, – это не вопрос! – и мне показалось, что, когда мы встречались в прошлый раз, вы узнали имя «Владыка Хохен».

Я ожидал, что ведьма разъярится и выкинет что-то несутенное, но она продолжала стоять, слегка просвечивая и смотрела на меня своими жуткими глазами.

– Мне очень нужно узнать, где он родился!

Тут я понял, что ведьма смотрит вовсе не на меня, а на мое плечо, на котором сидит оранжевая бабочка. Какое-то время мы молчали. Все трое.

– Ишь как хитро-то закручено, – наконец сказала О-Ки-

цу. – Ну, так хитро я и скажу. Жил один прорицатель, часто в воду смотрел, многое видел. Призвал его к себе князь и сказал: «Лжепрорицателей я привязываю к быстрому коню и пускаю коня в галоп по горам. Истинных прорицателей награждаю яшмой и нефритом. Скажи мне, что тебя сегодня ждет?»

– Ну, это просто, – сказал я.

Старая О-Кицу молчала.

– Прорицателю нужно сказать, что его привяжут к лошади и тогда,.. нет, нет,.. ему нужно сказать, что его осыплют яшмой,.. нет, про яшму точно нельзя... Погодите, я сейчас соображу.

– Ну ты соображай, соображай, – ласково сказала О-Кицу и всосалась в скалу – последними исчезли тунцовые хосты .

Сколько я потом ни бегал по площадке, ни звал, ни колол кулаками по камню, никто мне не ответил. И бабочка тоже куда-то делась.

Глава 7

Километра за два до лагеря, там, где дорога изгибалась под крутым углом и густо заросла по сторонам растопыренным зеленым кустарником, сидел Акимыч. Если точнее, то он скорчился в канаве под дорожной насыпью, в образовавшейся пещерке.

– Ты чего там делаешь? – спросил я.

– Быстро прыгай сюда!

– Зачем?

– Да не стой ты столбом!

Тут мир раскололся, сильно запахло паленым и меня пронесло лицом по песку, ломая нос. Акимыч выскочил на дорогу, схватил меня под мышки, и мы кубарем скатились с ним под насыпь, козырьком выступавшую над углублением в земле.

– Ты в небо не смотрел что ли? Там два этих урода надо мной уже час издеваются.

Я, стирая рукавом кровь из носа, осторожно выглянул. Вверху, метрах в пятнадцати над дорогой махало крыльями два черных кожистых нетопыря, на которых сидели Лапавовчик и Джунт – оба из клана фиолетовых. Глядя на меня, один поднял жезл, второй наложил стрелу на тетиву – и я поспешно юркнул под козырек, свернулся там рядом с Акимычем в мягкой грязи.

– Они же не должны убивать союзников, за это штрафы.

– Они и не убивают вовсе, – сплюнул Акимыч, – только взрывной волной откидывают, искрами палят – больно, черт! Я бы вышел, но они меня поймали, когда я в лесу тренировался, отработывал приемы на дереве. Шпага в трещине застряла, так теперь там и торчит. Если выйду из игры, могу вообще остаться без оружия, а тут и аукцион сейчас толком не работает, здание в руинах, все тормозит, да никто ничего почти и не продает.

– А у тебя что, шпага не привязана? Не упадет в инвентарь при потере?

– Да не, это же зеленка обычная, у нее нет привязки. Я ее за двести голды купил, по дешевке, но все равно жалко. И неизвестно где мне другую сейчас найти. Пытаюсь до нее добежать – меня хлобысь взрывом, хлобысь ударом пустоты – и я опять в канаве валяюсь! А эти сволочи там ржут, нашли себе развлечение. И не жалко им стрелы тратить и жезлы разряжать. Причем даже будь у меня шпага, мне до них не достать ведь никак. Фехтовальщики на сотом уровне в бою летать могут, правда недолго, а сейчас я для них – как мышь под веником. Может ты с ними хоть что-то сделать сможешь?

Я порылся в своих навыках. Зелье не докину, куколку тоже выпускать рискованно, вероятнее всего она в Акимыча вцепится – эти дурехи всегда ближнюю цель атакуют, не разбираясь – друг, враг... Берез и орешников поблизости не видно, приворот и сглаз на игроков, вроде, не работают, про

игогушку и говорить нечего.

– Нет, – ответил я, – я, как всегда, абсолютно бесполезен.

– Ладно, – грустно сказал Акимыч, – будем тут прятаться, ждать, что им надоест. Только боюсь, что шпага исчезнет, она давно уже в дереве торчит.

– Да не, – сказал я, – час – это ерунда, не исчезнет.

– Угу. Только если какого-нибудь микрообновления не будет.

– А знаешь, – сказал я, – может, ну их эти прятки? Хотят издеваться – пусть издеваются! Убивать нас, они, я думаю сами опасаются, пошли, покажем им силу нашего духа. Все не так унижительно, как тут в грязи сидеть.

– Больно так-то, – вздохнул Акимыч, – особенно искры. И к шпаге они нам все равно подойти не дадут... Хотя, знаешь, пошли. Вдруг у них совесть проснется!

Совесть у Лапавовчика и Джунта проснулась только минут через двадцать, до этого они увлеченно поливали нас взрывными стрелами и раскаленными искрами. Себя я не видел, Акимыч же уже весь был покрыт коркой из крови и грязи – думаю, я сам вряд ли выглядел лучше. Не делая попытки прятаться, мы просто оставались лежать на дороге, куда нас отбрасывало очередным взрывом.

– Терпеливость на одну единицу подросла, – сказал Акимыч, в очередной раз рухнув рядом со мной.

– И то хлеб, – отозвался я разбитыми губами.

Прошло несколько минут, а очередной атаки с воздуха не

было. Я поднял голову. Нетопырь Джунта болтался уже в метрах двух над нами.

– Усвоили урок!? – крикнул Джунт.

– Какой урок? – спросил я, садясь на дорогу.

Джунт, похоже, задумался.

– Не быть наглými! Весь ваш клан – это охамевшие наглые твари! Тебе намекнули сойти с дороги, урод, так смойся!

– Он не может смыться, – сказал я, – у него шпага в дереве застряла, это его единственное оружие, а вы не даете ее забрать.

– Какая шпага? В каком дереве?

– Шпага зеленого качества. В каком дереве не знаю, Акимыч, где это дерево?

Акимыч тоже приподнялся, взгляд у него был блуждающий, видимо, в последний раз его нехило так приложило.

– Вон, прямо на повороте, большое такое.

Нетопырь, подняв страшный сквозняк крыльями, развернулся, и вскоре Джунт вернулся со шпагой.

– Это что – шпага? Это же дрянь полная, ею только котов пугать.

– Уж какая есть, – сказал Акимыч. – Другой не обзавелся пока.

– Какое же позорище! Вовчик, ты видел эту гнилую зубочистку?

– Так он же сороковой, – флегматично отозвался порхающий повыше Вовчик, – что ему, платиновый эскадрон что

ли таскать?

– Слушай, даже на сороковом с таким шлаком – это совсем беспредел.

Джунт достал какую-то бумажку, выкрикнул что-то непонятное, шпага вспыхнула ультрамариновым светом, после чего Джунт швырнул ее на голову Акимычу.

– На! Хоть так, а то совсем смотреть противно! Ладно, Вовчик, летим, заигрались мы тут.

Нетопыри взмыли в небо, не то, чтобы очень изящно, но довольно быстро.

– Что он с ней сделал? – спросил я.

– Зачаровал, – сказал Акимыч. – Урон на плюс десять процентов вырос и небольшой шанс на нанесение дополнительного урона льдом появился. Вообще круто. Только я не понимаю, он больной, этот Джунт, что ли? Сперва дерутся, потом шпаги зачаровывают. Да один свиток зачарования как вся шпага стоит.

– Люди – вообще странные, – сказал я, поднимаясь. – Но, полагаю, он тебя этим окончательно унижить хотел.

– Да?

Акимыч сделал несколько выпадов шпагой.

– Ну, на такое унижение я согласен, пусть унижают чаще и больше!

Когда Ева вернулась в игру, я выложил ребятам все про ведьму и наши с ней тайные рандеву.

– Никак я в тебе не разберусь, – сердито сказала Ева, – с одной стороны, ты у нас такой доверчивый дурачок, у которого секретов нет, весь такой наивненький, душа нараспашку, а иногда вдруг оказываешься полон сюрпризов.

– Не такая это была приятная встреча, чтобы рассказывать, – пожал я плечами.

– Приятная, неприятная, какая разница? Нимис, пойми, я не пытаюсь лезть в твою жизнь, но мы сейчас пребываем в теле весьма серьезного квеста, который постоянно влияет на все, что вокруг нас происходит, кроит игровую реальность под себя. И все необычное, что с любимым из нас случается, может быть составной частью этого квеста. Поэтому мне чрезвычайно желательно тут же узнавать, кто из мобов или неписей к вам является и что говорит. Это может быть что-то совершенно пустяковое и малозначимое, а может быть – ключ к топазовому квесту. Что, у тебя язык отсохнет рассказать, что к тебе ведьма приходила?

Я вздохнул.

– Наверное, я не хотел, чтобы ты ругалась, что я тогда в гостинице шапку снял. Но вообще О-Кицу эта шапка совершенно не мешала мной управлять. Спасибо, хоть глюков не

было в этот раз.

– Ментальные атаки – это не обязательно галлюцинации, – сказал Ева, чертя прутиком по земле, – эта школа может воздействовать на три составляющих личности игрока. На разум, на волю и на чувства. Самое простое, это влияние на чувства – обычно это страх, самое удобное и распространенное.

– А страх тоже к ментальным практикам относится? У меня к нему приличное сопротивление, шестерка.

– Да, он настолько часто используется в игре, что особняком учитывается. Но вообще страх – не единственная эмоция, которую менталист регулировать может. Гнев, ярость – тоже из этой связки, просто с ними работать обычно очень неудобно. Кстати, твое красное ведьмовское зелье тоже с ментальным воздействием получается, как, между прочим, и приворот... Вообще похоже твой класс – это не только артефакторика, но и менталистика. Ладно, потом об этом подумаем. То, что ведьма твоим телом могла управлять – это уже работа с волей, а галлюцинации – прямое воздействие на разум. Шапка по идее от всего спектра должна немного защищать, но, видимо, эта ведьма уж слишком сильна. А теперь пожалуйста, максимально дословно перескажи мне все ваши беседы.

Это было нелегко. Про оранжевых бабочек я так и не решился рассказать. Почему-то у меня была твердая уверенность, что именно об этом нельзя трепаться ни в коем случае.

Некоторые вещи просто знаешь – и все. Но все остальное я, как мог, попытался воспроизвести более или менее близко к оригиналу.

– Ну, с яшмой и конем все просто, – сказала Ева.

– Да ну?

– Ну да! «Все, что я скажу, может быть использовано против меня, поэтому я пользуюсь поправкой к Конституции, ничего не говорю и сматываюсь». Единственный разумный ответ в такой ситуации – особенно если на самом деле можешь смяться. Видимо, эта непись, и правда, что-то слышала про Хохена, но квестовая программа блокирует у нее возможность так просто передать нам эти знания. Типа, мы другим путем должны идти. Жаль только, что совершенно неясно каким.

– А с лягушкой что? О-Кицу сказала, что ответила на мой вопрос, но, мне кажется, что ничего она не ответила.

– Повторишь еще раз ее реплики?

Я вздохнул и покорно повторил: «Я спросила что это. А ты – дурак, мужик и мешок с костями, Нимис Динкан».

Ева несколько секунд сосредоточенно думала, а потом рассмеялась.

– Знаешь, а она действительно ответила. Я почти уверена. Доставай-ка свое земноводное.

Я полез в карман и извлек игогушку, который, к счастью, никак не пострадал при нашем бурном общении с фиолетовыми. Сидел себе на ладони совершенно целый и вроде даже

как довольный.

– А давайте, – сказала Ева, – вы двое тоже попробуете поскрипеть мозгами и решить эту простенькую детскую загадку.

– Я, – сказал Акимыч, – даже в детском саду все время забывал что нельзя скушать, у чего два кольца и которое зимой и летом одним цветом. Если правильного ответа сразу не знать, то от этих милых детских загадочек застрелиться можно.

– Ну, от тебя я многого и не ждала. Нимис, ты-то хоть попытайся мозг включить на минутку. Не получается, нет? Смотри, вот как обычно отвечают на вопрос «Что это?».

– Быстро отвечают.

– Нимис!!!

– Да не знаю я! Говорят, что это стол... или там крокодил.

– Хорошо, а что такое стол и крокодил?

– Я же сказал, я без понятия! Объекты, предметы, имена существительные...

– Имена существительные – уже хорошо! А это что? Что сидит у тебя на руке?

– Лягушка, игогушка, гад, земноводное, амфибия, прыгучая штука с глазами...

– Ладно, с филологией у нас, я смотрю, тяжело, пойдем через математику. Простейшее уравнение! Вот это, – Ева указала на лягушонка, – так же относится к лягушкам и земноводным, как ты, Нимис Динкан, – к мужикам и дуракам.

– Все, – сказал я, – я дурак, я debil, я сдаюсь. И вообще когда ты на меня так давишь – я тупею!

– О господи! – Ева раздраженно бросила в меня прутик, – Ведьма сказала, что ты должен дать своей дурацкой лягушке имя! Что тут непонятного?

– У него есть имя, он – игогушка! – Это не имя, а его сущность. И, кстати, все абсолютно в традициях фольклора. Фамильяр ведьмы всегда проходил церемонию нарекания. В него после этого вселялся положенный злой дух и все такое. Давайте, ваше ведьмейшество, обзывайте своего лягушонка.

Я посмотрел на лягушонка. В голове после Евиного допроса царил пустота, только повторялось взявшееся неизвестно откуда «Нарекает ту жабу Иваном...».

– А как обзывать?

– Удивительно, – сказала Ева, – что вы пока не спрашиваете меня, как вытирать нос. Ткни в него пальцем и скажи: нарекаю тебя Сухариком.

– Почему Сухариком?

– Ну, Клошариком, Шариком, Кошмариком, как хочешь, так и называй.

Я посмотрел на лягушонка.

«Грех велик христианское имя

Нарещи такой поганой твари!»...

... откуда это вообще?

Ну хорошо, хорошо, пускай будет не христианское. А какие есть стопудово не христианские имена?... Петр, Павел,

Иоанн, тьфу!...

– Нарекаю тебя Сулейман ибн Дауд!

– Все-таки ты идиот, – сказала Ева, – Имя у фамильяра должно быть короткое, тебе же его призывать быстро надо.

Тут лягушонок квакнул, и моя ладонь потяжелела. Лягушонок теперь был размером с шарик для пинг-понга, не меньше.

– Сработало! – крикнул Акимыч.

Я моргнул, вызывая данные.

«Сулейман ибн Дауд, игогушка 1 уровень»

– Замечательно! Теперь тебе придется прятать его от всех игроков-мусульман и иудеев. Насколько я понимаю, они вполне могут воспринять это как оскорбление.

– Ну, они все в Антии, – махнул рукой Акимыч.

– На Трансильвии полно мусульман играет. Как и почти весь Израиль.

– Не понимаю, что тут оскорбительного, – сказал я. – Любое имя хоть какому-нибудь святому или царю да принадлежит. Я, может, вовсе не того Сулеймана ибн Дауда имел в виду. Может, у меня любимого учителя физкультуры Соломоном Давидовичем звали. Пошли лучше проверим, что лягух теперь делать умеет. Акимыч, поищешь червяков?

Но поискать червяков Акимычу не удалось. Едва мы вышли из палатки, как противно застучали барабаны, а квестовая панель мигнула обновлением.

«Армия возмездия собрана! Немедленно явитесь пред ли-

цом начальника своего отряда».

Прибыть пред лицо господина Сакаямы оказалось довольно затруднительно, поскольку это лицо находилось глубоко в корзине с арахисом. Военачальник изволил почивать, уткнувшись головой в вышеуказанный объект. Надо отдать должное его босоногим гвардейцам: извлеки командира из его плетеного убежища, они оперативно вылили на Сакаяму чан с водой и растирали ему уши волосяной щеткой до тех пор, пока крики военачальника не стали более членораздельны, а брыкания более энергичны и воинственны. Окончательно ситуацию спас седоусый старичок, доставший из заплатажной сумки горшок, а из горшка – несколько пиявок и посадивший кровопийц на виски и грудь нашего командира. Когда разбухшие от крови пиявки были сняты, Сакаяма уже мог ворочать языком и даже слегка разлепить глаза.

– Выштупаем ш первым лу...ик..чом! Кто прошпит, тому плетей!

Тут господин Сакаяма снова привалился к корзине. «Речные крабы» еще потоптались в ожидании возможных дальнейших распоряжений, но громкий храп из арахиса послужил верным сигналом завершения собрания.

Мы тоже пошли к палатке – успеем еще с лягушкой разобратся, тем более, и стемнело уже совсем.

– Наверное, Сакаяма великий воин, – сказал Акимыч.

– Да неужто! – фыркнула Ева.

– Точно тебе говорю, просто так его бы командиром не сделали! На самом деле я уверен, он – мастер пьяного боя! Его движения непредсказуемы и потому невероятно опасны. И хотя он ужасно толстый, по нему никто не сможет попасть. А он в пьяной ярости всех расшвыривает, в опьянении не чувствуя боли и не ведая жалости. Серьезно, «пьяный бой», – настоящая школа была крутая боевых искусств, я в кино видел!

– А я в кино, – сказала Ева, – видела, как один робот влюбился в космическую проститутку-мутанта, но не стала делать на основе этого далекоидущих выводов. С другой стороны, нам сейчас главное без всяких военных подвигов тихо и незаметно добраться до Учгура. Желательно, так и не увидев в походе никого из противников. И что-то мне подсказывает, что «Речные крабы» – чрезвычайно подходящее для этого плана подразделение, или кто мы там – рота, взвод – никогда не была сильна в военной науке. Акимыч, выметайся в реал и чтобы в шесть тридцать утра по Варшаве был тут, как штык. Спасать тебя от плетей очень не хочется, да и отставать от армии нам сейчас ни в коем случае нельзя – в одиночку мы по тому месиву, которое тут сейчас начнется, ни в какую до наших пленников не доберемся.

Глава 8

Большинство игроков информацию о плетях, насколько я понял, к сведению решили не принимать – либо это вообще была исключительная инновация командира «Речных крабов». Весь следующий день мимо нас то и дело пронеслись летающие и наземные маунты игроков, догоняющих свои отряды. Ну, и правильно, чего им тащиться с утра до вечера, принаравливаясь к медлительной колонне пехоты, они лучше за час-другой спокойно долетят-доскачут от одного перевалочного пункта до другого, попутно еще и поохотятся, и трав насобирают, и шуры-муры с прекрасными аборигенками заведут, это мы, безлошадные, должны ноги оттапывать час за часом, шаг за шагом. Пока отряд еще тащился по дорогам, все было относительно терпимо, но, шлепая по колено в грязи свежезалитых рисовых полей, я уже с черной завистью смотрел на счастливичков, чьи верные скакуны скакали по жидкой земле почти так же быстро, как по хорошо утоптанной дороге. Достигну пятидесятого – возьму себе верховую езду, думал я. К сотому как раз докачаю до возможности полета. И на нетопыря денег накоплю! Хватит с меня профессий уже, все равно на большую часть из них ни сил, ни времени нет, даже рыбалкой мне тут заниматься

толком не дают, все время нужно куда-то бежать, что-то делать и от кого-то спастись. Грузоперевозки – совсем не то, ни одна телега тут не проберется, увязнет. Вон, и провиант весь в переметных сумах на мулах везут. Нет, точно, только увижу цифру пятьдесят – сразу стану наездником! И вообще я, как дворянин, просто обязан уметь скакать верхом, не так ли?

Ева и Акимыч чувствуют себя гораздо бодрее, но у них сил достаточно, а я еле ноги из этого месива вытаскиваю. И последний час больше всего мечтаю о возможности хотя бы пять минут полежать, вон, и одышка уже, и ботинки после такого только выкидывать, как и штаны, наверное, а запасных ботинок у меня нет и, кажется, я вусмерть стер мизинец на левой ноге, а в походе ничего хуже быть не может, чем ноги изранить, это я точно говорю. Читал про это где-то. Нужно было босиком, как эти неписи, на поле заходить – они, по крайней мере, в ботинки грязь ведрами не зачерпывают. В конце концов я притормозил, разулся, засунул два вонючих куска грязи, в которые превратилась обувь, в инвентарь. Мизинцу в прохладной жиже сразу стало легче, а что грязь на свежую рану нельзя, так это ерунда, дело житейское, все тут можно, все равно если не будет привала, я очень скоро сдохну.. И хорошо, на кладбище будет тихо, спокойно и никуда тащиться не надо.

Выносливость +1

Ева и Акимыч периодически обменивались какими-то ре-

пликами, но я тащился позади, в разговор не вслушивался и не вступал – дыхание экономил. Впереди нашей жидковатой колонны ехал, как и положено, командир, которого просто привязали к его неказистой кобыле, закрепив ноги между двумя керамическими бочонками. Иногда Сакаяма делал попытку встрепенуться на седле, его какое-то время колбасило из стороны в сторону, как гигантское желе на палочке, после чего он сдавался, падал духом и снова ехал в виде тряпичного холма, распластавшись по лошадиной спине.

Я и раньше подозревал, что война – дело утомительно и грязное, но все же не мог представить себе – насколько. Хорошо еще, хоть тепло и дождя нет. Попытался разжечь в себе волю и энтузиазм, вспомнив о страдании друзей в плену, но именно сейчас о чужих страданиях думалось как-то совсем плохо. Продержался еще где-то час, после чего упал в первый раз, а потом падал уже на каждом десятом шагу, так что Акимыч с Евой подхватили меня под руки и буквально потащили на себе. Стало легче, хотя и очень стыдно. Сколько же можно жрать риса? У них что, эти поля никогда не кончатся?

– Вообще нужно что-то придумать, – сказала Ева, пристраивая мою руку поудобнее. – Что-то мы не учли, что Нимис с его нулевой силой просто не потянет подобных переходов.

– Может салазки какие сделаем с веревками? – сказал Акимыч. – Потащим его за собой... или, еще лучше, к Хохену привяжем.

– Я думала над этим, но Хохон просто встанет тогда . Что ему за нами тащиться, если Ним при нем будет? К тому же какие салазки по такой грязи? Мы просто соберем тонну жижи на них. Самое смешное, что мы даже не слишком много и прошли, максимум километров десять с такой-то скоростью и по такой-то местности. А до Учгура, миль пардон, четыреста километров.

– Но не все же по такому болоту?

– Нет, – сказала Ева, ожесточенно шлепая по грязи. – Сейчас мы добираемся до предгорий Змеинового Хребта, потом нас ждет переход через сам хребет. И не думаю, что Нимису там будет сильно легче, там местами сплошное скалолазание.

– Должен быть какой-то выход, – сказал Акимыч, – нужно просто подумать. Черт, тут даже привала нигде не сделать, всюду воды по колено!

Потом они уже шли молча, напряженно сопя, тоже похоже, сдавали потихоньку. Я же просто сомнамбулически передвигал кричащие от боли вареные макароны, в которые превратились мои ноги, считал мысленно шаги, досчитывал до десяти-двенадцати, потом сбивался и начинал заново. Не знаю сколько это продолжалось, плюс минус вечность. Но солнце было еще довольно высоко, когда эти проклятые сельхозугодья закончились, сменившись каменистой, но, слава всем богам, твердой землей. Привал крабы организовали здесь же, благо по соседству имелся не то ручей, не то арык, в котором текла относительно чистая вода. Грязь на

мне уже обсохла и частично отвалилась, поэтому на всякое дурацкое мытье я не повелся, не до мытья сейчас – рухнул на камни и отрубился, как на мягчайшей перинке. По ощущениям спал я где-то минуты полторы, но так как ребята успели развести костер, вскипятить чайник, заварить чай и сунуть мне под нос кружку, времени все-таки прошло немного больше.

– Пей давай, – вздохнул Акимыч. – Уже первый сигнал был, через десять минут снова выступаем. Как там твои дебаффы, все еще висят?

– «Изнеможение» ушло, «сильное утомление» осталось еще на час. А вот «кровавые мозоли» – на сутки еще таймер.

– У этих дурацких крабов даже лекаря нормального нет, – сказал Акимыч, – мозоли бы тебе мигом сняли. Ев, а ты не можешь сейчас чего-нибудь быстренько сварганить из алхимического?

– Нет, – сказала Ева грустно, – все мази заживления ран – это сложные рецепты, в походной лаборатории такого не свариишь. Да и ингредиентов у меня нет

– Ничего, – сказал, я допивая чай, – мне уже значительно лучше. И да, спасибо вам!

Достав ботинки, я кое-как вытряс из них грязь, протер изнутри, как сумел, сухой травой, надел на чистые носки – ничего, жить можно.

Первый камень ударил по голове шедшего по тропе передо мной ополченца, который, по счастью, был наряжен в шляпу, напоминающую воронку, с таким высоким соломенным конусом сверху, что амортизация была, наверное, приличной. Тем не менее, ополченец шлепнулся на зад, расставив ноги и о чем-то глубоко задумавшись. Ева только что объясняла нам, что мы идем на смычку с армией Камито, которая после погони не то за жуженями, не то за фуженями выдвинулась к границам учгурских степей и ждет там нашего подкрепления. Мы – крабы и еще несколько отрядов, составленных, видимо, из самого ни на что не годного отребья – тащились в самом хвосте растянувшегося ополчения.

В гору я, между прочим, поднимался относительно бодро, пусть тропа была и крутой, но все лучше чем то рисовое месиво, засасывающее ноги по колено при каждом шаге.. Немного напрягала как-то быстро образовавшаяся пропасть с другого края тропы, ну, так я держался поближе к скале и старался смотреть строго Еве в затылок.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.